

№4
Апрель 2011

ТАССОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандаваки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№4 (66)
Апрель 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПОСЛЕСЛОВИЕ К СЕБЕ	6
	ТАМ И ТОГДА	9
	УРОКИ АНТИЧНОСТИ	10
ТРАДИЦИЯ	ПРАВОСЛАВИЕ – СЧАСТЬЕ, ВЕЧНОСТЬ – ПОБЕДА ДОБРА ЧЕРЕЗ ЭТО СЧАСТЬЕ	12
ПРАЗДНИК	ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!	16
ВСТРЕЧА С МАСТЕРОМ	МАГИЧЕСКОЕ «ЕСЛИ БЫ»	18
ЮБИЛЕЙ	ДВЕ ВСТРЕЧИ С КОСМОНАВТОМ НОМЕР ОДИН	21
ВЕРНИСАЖ	ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ	24
АРХИТЕКТОН	ЯСНАЯ И ЛЮБИМАЯ ДУШОЙ ЦЕЛЬ	26
О, СПОРТ!	ВЕРНУЛАСЬ ЗА ЗОЛОТОМ	30
БАЛЕТОМАН	И ТВОРЧЕСТВО, И ЧУДОТВОРСТВО	33
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	НУЖНО СПАСАТЬ СЛУХ	34
ТВОРЧЕСТВО	ИМАЛИ	37
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	И КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ?	40
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	СЛЕЗНАЯ ПЕСНЯ	44
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	МЫ С ТОБОЙ ДВА БЕРЕГА...	46
ИСТОРИЯ	АВТОГРАФ КОРОЛЯ ВАЛЬСОВ	50
ОБЪЕКТИВ	ЦХАЛТУБО	52
ПРОЩАНИЕ	«ЕЩЕ НЕ РАЗ ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ...»	53

На обложке - конкурсная работа Г.Копадзе

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвадзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торладзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанондзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Поллианина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ГЕРОЙ ПОНЕВОЛЕ

А еще в этот же день 430 лет назад английский капитан Френсис Дрейк завершил второе в истории кругосветное путешествие. Елизавета I с пышной свитой прибыла на борт его судна «Пеликан», чтобы поздравить героя и посвятила его в рыцари. Так бывший пират стал сэром. По чести сказать, Дрейк вовсе не собирался совершать исторические открытия, а, обогнув Южную Америку, пограбить власть богатые испанские колонии в Перу. Но в Магеллановом проливе его уже ждали испанские корабли – пришлось огибать Огненную землю. Так был открыт очень опасный пролив, названный впоследствии его именем. По завершении разбойничьего набега выяснилось, что обратной дороги нет – разъяренные испанцы снова были наготове. Пришлось «дать крюк» и пересечь по дороге домой сначала Тихий, потом Индийский океаны и обогнуть Африку. Так сэр Френсис Дрейк неожиданно-негаданно стал великим путешественником.

ШАРИК УЛЕТЕЛ...

225 лет назад, в апреле 1786 г., в Петербурге был опубликован любопытный указ императрицы Екатерины II о запрещении «пускать шары в предупреждение пожарных случаев и несчастных приключений». Чем ей не угодили популярные во всей Европе монгольфьеры современникам было непонятно. Они очень любили запуск разноцветных воздушных шаров в праздничные и ярмарочные дни. Оказалось, что воздушные шары небезвредны и для самих воздухоплателей, и для города. Дело в том, что подъемную силу создавали горячим воздухом, а источником тепла мог быть только огонь. В корзину шара ставили жаровню и закачивали горячий воздух в полость шара. Порой ветром шары прибывало к земле, а постройки внизу были деревянными – пожароопасно! Так и затормозилось на долгие годы развитие воздухоплавания в России.

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ КНИГ И АВТОРСКОГО ПРАВА

Вот уже в 15-й раз 23 апреля отмечается Всемирный день Книг и Авторского Права. По инициативе ЮНЕСКО в 1996 г. день защиты книги и поддержки книгоиздания выбран неслучайно. Ведь 23 апреля 1616 г. скончались Мигель Сервантес и Уильям Шекспир. Для Шекспира 23 апреля – это еще и день рождения. Он отмечал его в кабачке в Стафорде-на-Эйвоне вместе со своим другом Беном Джонсоном, знаменитым английским поэтом. Тот специально заехал в эту глухомань к другу Уиллу, жившему здесь в отставке. В тот же вечер Шекспир простудился, провозжая друга в ненастную погоду и умер от горячки. И великий испанец, и бессмертный английский бард не распорядились правами на свои произведения. Они жили в те века, когда потомки не претендовали на литературное наследие. А в наши времена авторское право становится почти неразрешимой проблемой, особенно с развитием Интернета и неограниченных возможностей индивидуального копирования.

НАЛОГ НА КОНСЕРВАТИЗМ

Мы все знаем, что Петр I рубил бороды боярам. С точки зрения русской традиции делом это было непотребным, хотя царь был убежден в собственной прогрессивности. А борода и длиннополые кафтаны ассоциировались у него с дремучестью и отсталостью. С аристократией дело на лад пошло быстро, чего не скажешь о крестьянах и купечестве. Пришлось великому реформатору проявить политическую гибкость и природную смекалку. **17 апреля 1722 г.** Петр Алексеич попросту ввел подать на ношение бороды. И стоило это удовольствие аж 50 рублей в год. Для сравнения, на эти деньги можно было приобрести в то время около полутора тонн мяса или две с половиной тонны муки. Так российская казна стала регулярно получать доход от этого своеобразного налога на консерватизм.

ПОСЛЕДНИЙ КОНВИСТАДОР

15 апреля 1886 г., 125 лет назад, родился Николай Гумилев. Среди блестящего венка поэтов Серебряного века он был похож на поэта меньше всего. В нем не было магической томности и трагичности Блока, надрывности Мандельштама, лубочной яркости Есенина и мраморного спокойствия

Брюсова. Себя он называл «худым, ощипанным фазаном». Злой на язык Алексей Толстой называл его «деревянный, с длинным носом». Намекают, что в своем литературном капустнике, который мы все знаем как детскую сказку про Буратино, прототипом главного героя был именно он.

Про его стихи трудно сказать, что они вдохновенно лились. Свои стихи Гумилев скорее конструировал. Он всегда плохо учился и даже не сумел сдать экзамены на офицерский чин – так и остался прапорщиком. Но этот болезненный, рано облысевший молодой человек сделал то, на что не решались многие современники. Он посмел. Посмел стать путешественником по Абиссинии и пустыне Сахаре. Чуть ли не единственным из поэтов отправился добровольцем на войну и был награжден двумя Георгиями. Посмел после Октябрьского переворота вернуться на Родину, в большевистскую Россию. Посмел демонстративно креститься на золотые купола на улицах красного Петрограда, что было небезопасно. Посмел объявить себя убежденным монархистом.

Его считали блестящим романтическим поэтом даже молодые коммунисты. И в час расстрела он вызвал уважение чекистов, непринужденно перешучиваясь с расстрельной командой за последней папироской. И пусть он попадает в истории русской литературы скорее в разряд интересных, чем великих поэтов, он так и остался не манерным тряпичным Пьеро, и не кокаиновым истериком, а последним «конквистадором в панцире железном» - настоящим мужчиной и последним романтиком.

Кстати, первые стихи гимназиста Коли Гумилева были опубликованы в «Тифлисском листке» во время его трехлетнего пребывания в Грузии.

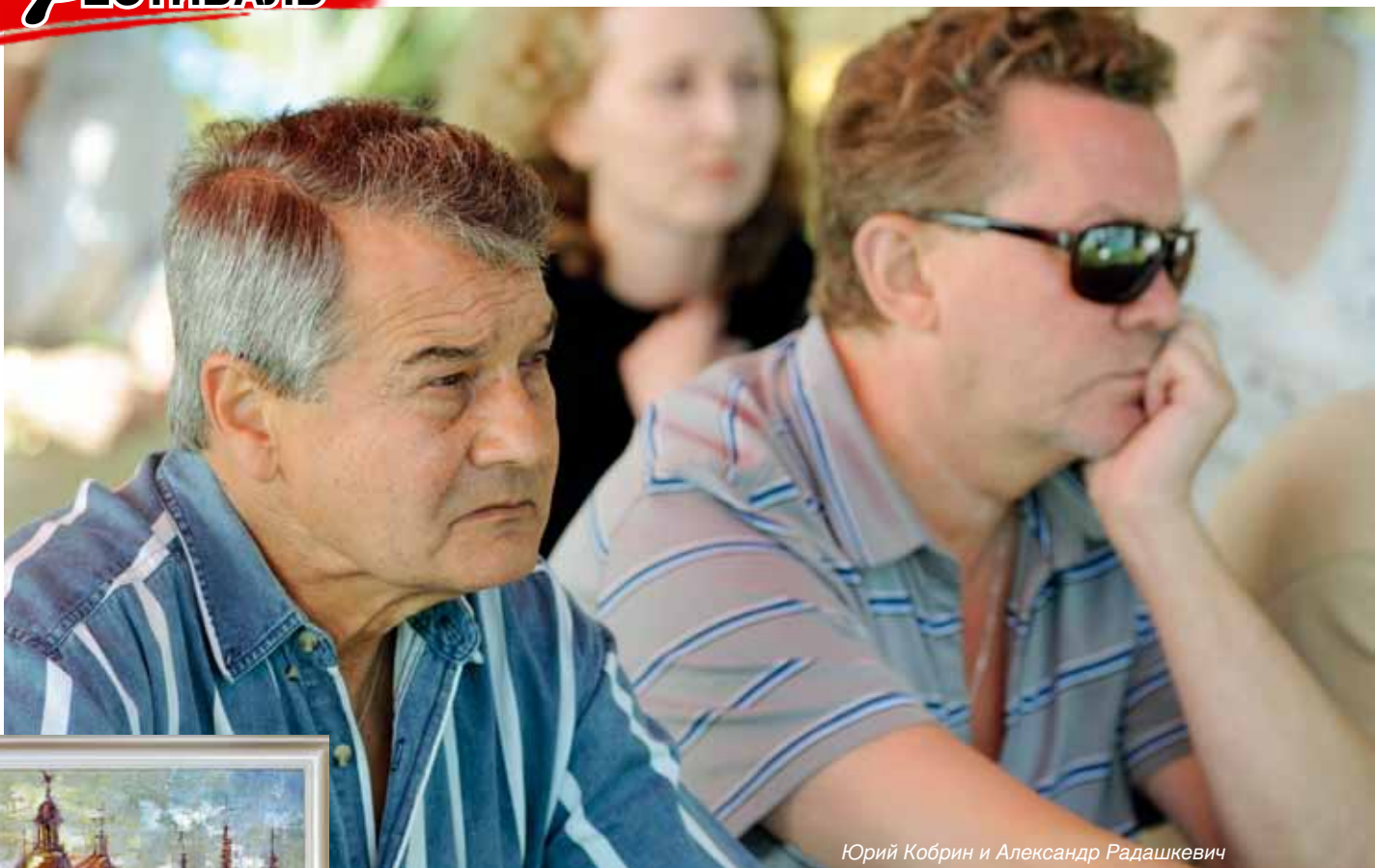

«Я ЗНАЮ ВСЕ, НО ТОЛЬКО НЕ СЕБЯ...»

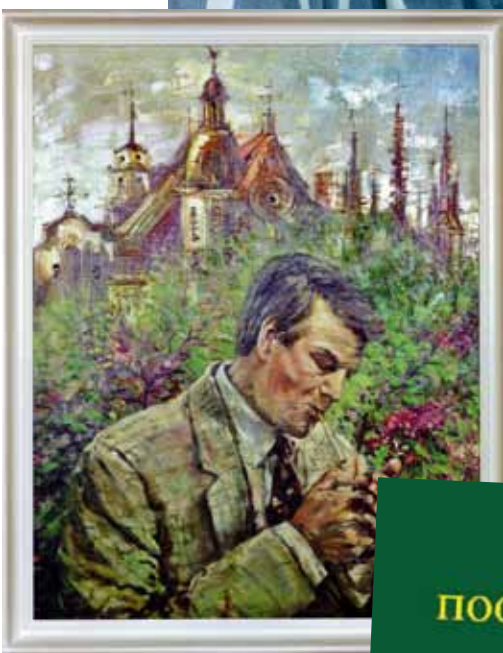
Великий поэт Высокого Средневековья, беспутный школяр Франсуа Вийон... Известно о нем немного. Все в его жизни сомнительно и загадочно: и день рождения, и день смерти, и его стихотворения. Скажем, встречается в его поэтическом завещании такой пассаж, где он все свое имущество после смерти отписал трем несчастным бедным сироткам. А что? Благородно, если не сказать гуманно и великодушно! Вот только имена этих сироток звучали для уха средневековых парижан, как для наших современников фамилии Билл Гейтс, Берлускони и Абрамович... Даже нежнейшие поэтические метафоры, вздохи и слезы на поверку оказывались едкой насмешкой и зубоскальством. В его стихах невозможно увидеть его самого – свой мир, свои надежды и сомнения Вийон унес в безвестную могилу. В веках остался только его хохот.

А написал он не так уж много – не наберется и на приличную, толстую книжку. Кое-что и вовсе непечатное. Франсуа столь виртуозно сочинял воровские баллады на тогдашней «фене», что лингвисты до сих пор всего расшифровать не могут. Он имел явную тягу к преступной жизни – от школярского дебоширства и лихих сорбонских драк до непреднамеренных убийств. Дружил с разбойниками-кокийярами, и был приговорен к повешенью. Вдруг удача – оправдан! Но уже сложилась такая «крутая» репутация, что Франсуа мигом отправили в изгнание на 10 лет... Больше его никто не видел – один только Рабле в 4 главе «Гаргантюа» рассказал пару историй из его «загробной жизни». Да и то неизвестно, действительно ли Вийон выжил, или это выдумка коллеги-литератора.

Короче, **1 апреля 1431 г.**, то есть 580 лет назад, родился этот очень беспокойный, но гениальный парижанин – истинный сын своего города и его гордость!.. А может, согласно другим источникам, не 1, а 19 апреля?

Юрий Кобрин и Александр Радашкевич

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СЕБЕ

Мы познакомились на III Международном русско-грузинском фестивале поэзии в июне 2009 года и сразу «узнали» друг друга и подружились, будто были всегда знакомы. До этого мы оба участвовали в Первом фестивале русской книги в Баку в 2006-м, но странным образом даже не заметили друг друга в большой и разношерстной делегации.

В Грузии в тот год стихи читали у моря. Поэты выходили на небольшую, залитую полуденным солнцем эстраду и, пытаясь не упустить вырывающиеся игристым ветром листья, которые сжимали левой рукой, правой – жонглерски удерживали у рта микрофон. При этом дамам еще надлежало следить за эфирными летними туалетами, очень занимавшими Эола... Мужская половина читала чаще всего в потертых джинсах, мятых шортах, теннисках или даже футболках. И тут вышел он, в летнем бумажном, песочного цвета пиджаке, с прекрасно подобранным по тону шейным платком и в изящных мокасинах на голую ногу, со стальными, портретно зачесанными сединами. У другого этот джентльменский «набор» показался бы пижонством, он же носил свой облик естественно и прирожденно, как римский сенатор – тогу. Был он смуглым и сдержанным, и улыбался краешком горьких губ, читал собранно и очень серьезно. Позднее, познакомившись с творчеством Юрия Кобрина, я понял, что, кроме врожденной элегантности, это восходит еще к его учителю и пожизненному кумиру Арсению Тарковскому, чей внешний выразительный облик неразделим с его мировосприятием и поэтической манерой: «Проходя мимо, поэт по-соколиному зорко взглянул на меня и склонил голову с безукоризненным левосторонним пробором в знак прощания». Ведь Тарковский с женой не просто вышли, рассчитавшись с официанткой за де-

журные рожки с грибами, а «прошествовали из зала» вильнюсского ресторана. Так эта первая встреча описана самим поэтом в «Ализариновых чернилах».

А тогда, в Грузии, на фоне сиятельно-эпического моря, мне вспомнился Бунин, его запись в дневнике 1922 года: «Тот, кто называется “поэт”, должен быть чувствующим, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т. д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и т. д. На что же мне нужны изливания души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным?»

Все в манере, в жесте, в подаче себя, внутреннего и внешнего, миру.

Аристократизм, прирожденный и благоприобретенный, — это крайне редкое сегодня качество, такое же редкое и напрямую с ним связанное, как школа, высокая традиция, и оно прямо противоположно нивелировке, стандартизации, типизации, «демократизации», глобализации и, в конечном счете, дебилизации околокультурной и мимолитературной среды. Именно им, этим благим качеством, в полной мере и в высокой степени наделен Юрий Кобрин, кавалерственный поэт, орденоседец, лауреат известных литературных премий и носитель научных и прочих званий — всего того, что надо не только заслужить, но и уметь очень достойно и скромно носить.

Новую книгу своих избранных стихов и переводов с литовского он назвал «Постскриптум» — т.е. то, что следует за написанным. А написано десять поэтических сборников (многие его стихи переведены на основные европейские языки) и издана почти 900-страничная антология литовской поэзии, названная просто и красноречиво — «Я вас переведил...»

«Русский сын земли литовской», он, как и мы, живет «на земле, переполненной скотством, где второй из прохожих — мудака, продающий свое первородство», где «с молотка ведь шестую часть света пустили», где поправны ум и честь и где «правит зависть в обнимку с уродством». Как и нам, поэту здесь скучно, темно и неловко, его душит «рукодельная петля» неразделимых и взаимоуничтожительных жизни и творчества, и поэтому он честно говорит пойманной гипотетической золотой рыбке: «Знаешь, лучше тогда умереть, если жить для того, чтобы выжить». И зачем она «мчит без шофера “скорая” к тому, кого уже нету»?

Где иду, там разреженный воздух,
тени душ, бывших стран, мертвых тел.
Ежедневье с прозрением грозным,
что уже все я в жизни успел.

«Самоизгой», он «спешит стряхнуть слезу с пера» и «осознать тщету и брание держав», он клеймит «наследственную быдлость», это «время режиссеров без спектаклей, время стихотворцев без стихов», когда пышно и бесстыдно «клубится внекультурное пространство, гукает в тумане сером шваль» и зловеще прощывает «искусство нюханья ануса у золотого тельца».

Можно ли сказать прямее и сильнее? Можно ли честнее? Сомневаюсь.

Поэтому, как и нам, ему сегодня «больно на русском молчать языке». И все-таки он торжественно и мудро оговаривается: «Не путай страну с государством, где ты, как свеча на ветру». Ту страну, где «русское детство, литовское небо, невыразимо сиренева грусть».

Юрий Кобрин поэт умный и думающий, пишущий густо и одиноко, поэт, взявший на себя всю извечную и бесценную ответственность, означенную автором «Маленького принца», стертого небом последнего полета. Но его блистательные риторические выпады, ироничные обличения, безукоризненно поданные выкладки совестливого рассудка, его яркая публицистичность гармонично уравновешиваются лирической стихийностью, душевными порывами-прорывами и желанными в такой большой, почти итоговой книге стихов ловкими

«неуместностями»:

А нежных чувств полураспад
опасней, чем смертельный яд.
Прощальным наслаждаясь часом,
плывешь неторопливым брассом
вдвоем с подругой наугад
в ту ночь, где мотствует набат.

Стих Кобрин, как отмечали многие критики, крепкий, лапидарный и, я бы сказал, безмолвный («мною возвращенное безмолвное искусство»): «Что эта власть, что та... Которая мерзее?» Он, этот стих, часто обрывается безответным вопросом, но еще того чаще — вопросительным ответом:

Что такое русская поэзия?
Душ сгоревших белая магнезия,
ночи без ночлега с папиросами,
жизнь с неразрешимыми вопросами,
искорка, погасшая под бровью
вслед за потухающею кровью,
запятые, точки бесполезные,
строчки с самой юности любезные
Пушкина, Кольцова, Пастернака,
выгнанная на мороз собака...

Большие вещи ритмически перемежаются в книге с малыми формами, чуть озорными выжимками-миниатюрами и лирическими выпадами:

Черты ненужные сотру,
какие б царь ни принял позы,
чем был бы памятник Петру
без пушкинских стихов и прозы?

Вспомнив Пушкина, хочется упомянуть яркое, психологически очень непростое, но лирически крайне убедительное стихотворение «И вновь о Натали» из цикла «Гены Ганнибала», вызвавшее ярое неприятие у «защитников» и бюстителей абсолютной бронзовости великого поэта, обвинивших Кобрин чуть ли не в «crime de lese-Majeste» (фр.: «оскорбление Величества»). Цитировать текст невозможно, поскольку, в логике внутренней повествовательности, одна строка неотторжимо вытекает из другой, и стих этот любовно-сожалеющий, а ни в коем случае не обличительный: после «пустышка» следует нежное «глупышка», а далее — ласково-бережное «простушка». Очарованность поэта, во всех смысловых оттенках слова, — это сущность и содержание стихотворения. Поэта, сумевшего «отдать бессмертию» Натали вместе с «бесславием Дантеса»: «но в этом Пушкин. Вы бы так смогли?»

«Пушкинскую руку Жму, а не лижу», — воскликнула Марина Цветаева, которую, в числе прочего, эмиграция травила за «Моего Пушкина» и вообще за ниначтонеподобность (слово из статьи Кобрин о Нарбуте). Есть «свой», уникальный и любовно сопережитый Пушкин и у Юрия Кобрин, как у нас у всех, поэтому он мог бы повторить, со всей цветаевской сокрушительной страстью: «Пушкиным не бейте! Ибо бью вас — им!»

«Дневник любви», состоящий во многом из лирики блаженной памяти 60–70-х годов, переходит в яркие картинки странствий, совершаемых уже в 80–90-е — из зловеще-велеречивого перестроенного маскарада, полного безалкогольных, сберкассовых, пенсионных, МММ-овских и прочих чудес в решетке, в эти дорожные сны вживания-выживания, выпукло и контрастно отражающие запредельно благополучный мир и объединенные в цикл «И дым отечества». Но самая болезненная и болевая тема «Постскриптума» — это «русское гетто», тот нелюбимый и упорный рассказ про фальшь «нашей и вашей свободы», «про родину свою литовскую — ту, что нас видела в гробу». Глубокие и выстраданные вещи «Постскриптума» посвящены вопиющей теме выживания русских под заемным фиговым листком-флажком «прав» и «демократий», где «ночь порукой круговой

Юрий Кобрин

связала прочно всех в стране-самоубийце» и где «оскал времен» превращается в злую и безответную «пытку сердца»:

Нас страшили «изменой Родине»,
но она изменила сама.
В Рождество вымерз куст смородины,
не сойти бы, ей-ей, с ума...

Вряд ли ему простят и примечание-напоминание к стихотворению «Перед вечным простором», пусть даже набранное петитом: «Панеряй – окраина Вильнюса, где гитлеровцами и литовскими белоповязочниками было уничтожено около 100 000 человек, преимущественно евреев».

Над вечным покоем,
невечный,
ты молча стоишь.

Тут нельзя не отметить, что Юрий Леонидович Кобрин уже давно ведет у себя в Литве подвижническую деятельность во имя и во славу русской поэзии и русской культуры, нарываясь порою на рифы русофобии, непонимания и даже ненависти и оставляя на их остриях клочья духа и плоти, плоти, претерпевшей уже смертельные угрозы: «Я, старый атеист, у Бога на пороге... Молю Тебя, продли, продли мои дороги!» И хотя «хворь – это тварь со множеством харь», хотя «еще вчера тускло зрение, от смерти был на волосок», хотя «хирург по локоть самый в горло влез», неодолимо и живительно сердечное движение, запечатленное в одном из самых пронзительных стихотворений книги – «Сиреневом хуторе»:

На хутор, в зеленые ветки,
чтоб дома с тоски не завить,
деление раковой клетки
на воздухе остановить...
На хутор, на хутор, на хутор!
В молочном тумане земля,
где кофе несут нам, как будто
в кафе «Клозери де лиля».
Как шприц, человек одноразов.
Зачем ты над чашкой молчишь?
Тебе ж обещал я в алмазах
сиреневый город Париж...

Обо всем этом – целомудренно, страшно и просто, как и обо всех тех, кто уже встал до нас в предвечную «очередь, где все знакомы», как и о любимом «дружнице, добром котище» Кеше:

Похоронили тебя мы под елкой
в белой простынке, чтоб не было колко.
Больше писать я об этом не буду.
Спи, желтоглазое рыжее чудо.

На днях мне прислали «приглашение» на очередной фестиваль русской поэзии в одной из европейских столиц: нужна заявка и с нею столько-то евро за участие, плюс – за «дружеский» ужин, плюс проживание, экскурсия и пр. Как бы между строк пожелание – чтобы повеселее и про женщин; можно спеть, можно сплясать и, наверно, можно показать язык. Не более восьми минут... Воистину «без божества, без вдохновенья». Поэзия подобный сборищ – это свистопляска, цирк и развлекуха, профанация Слова, это что попало, кто угодно и что угодно, вроде позорных лужковских «биеннале», где один недоросль, например, гуляя по сцене, читал Евангелие наоборот, с конца в начало, и на этом шабаше «поэзии» не хватало только Распятая, подвешенного вверх ногами.

Не наша с тобою вина,
что чудище обло, стозебно.
Какие грядут времена
на многострадальную землю?

И все-таки, все-таки, в голом кружеве взаимопереплетенных судеб, «жизнь – карнавал. И этот праздник – наш!», а «за поэзию в любое время года мы шампанского нальем», пусть даже не «Аи» и не «Вдову Клико», но так или иначе – голубопламенный лицейский пунш.

Это ощущение праздника духа и души, этот безусловный примат вечного, богоданного над безликой болотной средой, «где дух повержен и где торжествует плоть, но оплетенная невидимой сетью», – общее ощущение от «Постскриптума» Юрия Кобрин, этого развернутого и распахнутого лирического послесловия к себе, своей судьбе, к полувеку творческих радостей и мук, к своей выстраданной и слепой тропе сквозь зияющие пустоты падений и парений, на тех перепутьях и бездорожьях, где «рожденный в мучениях дар свой не дай погубить никому» и где всякий честный путь – путь крестный.

На насыщенно-зеленой обложке книги фотография поэта, слушающего пошпиывающий граммофон отыгранных времен, музыку Леты, а заднюю украсил изысканный портрет работы Сергея Исакова, что возвращает нас к теме облика-образа, и я не могу не закончить этим скромным и очень личным посвящением

ЮРИЮ КОБРИНУ, ПОЭТУ И ПОРТРЕТУ

Когда отливает несущая на фиг и сушая волна, риторика, о да, трезва и норовиста, но ждешь доверчиво, что из-за стертого, обмыганного бесами угла, из-за себя, из-за меня, объявится повеса и поэт, остатнее же облетит, как ветошь вчерашних раздумий. С шейным платком, в мокасинах гусиных, бритый опасною бритвой Тарковского – он, элегантно-безысходный, шагнет со своего портрета, прикуривая эфемерно на заднике поздней сирени, которая пахнет разлукой.

Лифляндия, Курляндия, Русляндия – обид не счесть, подмен не перемерить, и плещут волны умной нелюбви, и что-то из штанин упорно достает наш непростой советский человек в пятнистой кепке демократа из очень дорогого second-hand.

А с Юрою, кто с ним не любит беззвучно отхлебнуть позднебарочного кофе, скажем, на Замковой улочке? Но какое же было б блаженство скушать с ним в непроглядном когда-то, крякнув, живительной водочки, видя в опрокинутом окне перламутровый дождик времени, отзановесивший небо и душу. Самый литовский из русских или же самый наоборот, нас подружила нечаянно Грузия – бредом поэтов, ветром Гомера в чающем взоре колхидских коров.

Александр РАДАШКЕВИЧ

A man with a shaved head, wearing a light-colored, short-sleeved button-down shirt, is standing on a stage. He is holding a white piece of paper and looking down at it. A bright spotlight is shining on him from above, creating a circular pool of light on the dark background. The background is mostly black, with some faint, illegible text visible in the upper part, possibly a logo or stage name.

ТАМ И ТОГДА ШОТА ИАТАШВИЛИ

ПЕРЕВОДЫ БОРИСА ХЕРСОНСКОГО

ЛИФТ

Душа в лифте моего тела
перемещается вверх-вниз.
Иногда застревает на этаже сердца,
иногда давит пальцем на верхнюю кнопку
и начинает движение к высшим этажам моего разума...
Но чаще всего спускается вниз,
к железам внутренней секреции,
выходит в подъезд мочеиспускательного канала
и на его стенах царапает
разные порнографические и срамные слова...

ОН БРОСИЛСЯ С БАЛКОНА

Мой балкон моя главная сцена.

Сюда выхожу каждое утро,
приветствую публику,
театрально размахиваю
руками и ногами.

Сюда иногда выхожу в полдень
и ставлю смешные представления
вместе со своими детьми.

Сюда выхожу каждый вечер
и бермочу новозарожденные стихи.

Мой балкон - моя подлинная сцена.

И как любой артист,
я мечтаю умереть на ней.

ВОЗДУХ

Стихотворение двигалось во мне,
Как дверь в японском доме,
Оно закрывалось и открывалось,
Но ни наружу, ни вовнутрь,
А просто гладко, гладко скользило.

Стихотворение двигалось во мне,
За этой дверью,
Как женщина в японском доме,
обнаженным, легким шагом с размером стопы 35,5
И с педикюром на пальцах ног.

Стихотворение двигалось во мне,
Как рука японского каллиграфа,
Охваченного любовью, пишущего
На спине женщины, как на рисовой бумаге.

Стихотворение двигалось во мне,
Как японская страсть на татами,
Странная и обычная одновременно.
Стихотворение двигалось во мне.

УРОКИ АНТИЧНОСТИ

Юлий Зыслин и Олег Цыбенко

Олег Цыбенко – филолог, эллинист, переводчик, кандидат исторических наук. Родился и вырос на Украине (Львов). Закончил Львовский университет им. И.Франко. Преподавал историю древнего мира в Калужском педагогическом институте им. К.Э.Циолковского, читал лекции на кафедре всеобщей литературы Московского педагогического государственного университета. По приглашению Шведского археологического института приехал в Афины (Греция), где прожил до последнего времени. С 2010 г. – доцент кафедры философии Киевского политехнического института. Автор трех исторических романов на греческом языке, переводов античной и новогреческой литературы на русский язык, а также произведений русской поэзии и прозы на новогреческий (Максим Грек, В. Жуковский, Л. Толстой, А.Чехов, А.Куприн, русские путешественники XIX века, русские эллинисты Ф. Ф. Зелинский и Я. Голосовкер). В 2005 году награжден Почетным знаком Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД РФ «За вклад в дело дружбы». Официальный представитель МФРП в Греции.

- Вы являетесь участником фестиваля в третий раз. Изменился ли он? Каково, на ваш взгляд, его значение?

- Мое мнение уклончивое... Я не считаю, что благодаря фестивалям между Россией и Грузией устанавливаются розовые, безоблачные отношения и страны сольются в едином порыве... Тем не менее мне понравилась мысль, высказанная в обращении участников фестиваля к Патриарху Грузии и Патриарху Московскому и Всея Руси, о том, что связи между Россией и Грузией - многовековые, и попытка эти связи прервать – очень искусственна. Я наблюдаю подобное и в моей малой родине – Украине, где ситуация, конечно, несколько иная, чем в Грузии, но процессы аналогичные. Я убежден, как историк, что искусственные политические шаги не мо-

гут пустить в другое русло объективно существующий процесс. А таким процессом является если не единое, то очень родственное культурное пространство, к которому относятся и Россия, и Грузия, и Украина, и другие страны. Нельзя сказать, что после двух, трех или десяти фестивалей все станет на свое место. Будь это так, то – если смотреть с противоположной стороны – фестиваль просто запретили бы проводить. Но актуальное значение фестивали имеют. И прежде всего – для Грузии. Это островки, которые, с одной стороны, поддерживают русскую, русскоязычную культуру здесь, а с другой, - это пропаганда грузинской культуры, литературы в России и – через Россию – в других странах, практически во всем мире. Ни для кого не секрет, что очень многие писатели и поэты бывшего Советского Союза и России до 1917 года приобретают известность во всем мире благодаря русским переводам, которые становятся мостом между, например, Грузией и Европой. Я считаю, что нужно всячески содействовать тому, чтобы эти мосты не только существовали, но и укреплялись.

- Чем был для вас интересен нынешний, четвертый фестиваль?

- Мне кажется, что он отличается большей стабильностью. Это трудно описуемое чувство того, что эти праздники – а это действительно праздники – становятся явлением. Традиционным явлением культуры.

- Что бы вы пожелали организаторам?

- Я просто восхищен работой, которую проводит «Русский клуб».

- На недостатки укажете?

- Нет. Я их не вижу. Может быть, программа фестиваля могла бы быть чуть менее насыщенной – чтобы мы могли больше общаться друг с другом. А с другой стороны, я, наверное, сейчас противоречу сам себе, хочется еще больше контактов с грузинской историей и культурой, памятниками Грузии. Может быть, стоит продлить

фестиваль еще на пару дней? (С улыбкой)

- *Ваша большая родина – Советский Союз, малая – Украина. Каким ветром вас занесло в Грецию?*

- Я эллинист, давно занимаюсь греческой культурой, увлекаюсь этим с детства. В общем, в Грецию меня занесли мои профессиональные интересы. Греция – страна очень специфическая, довольно сложная. А сложность ее в том, что она слишком проста. Как любят подчеркивать греки, они живут на границе Запада и Востока. Впрочем, это говорят о себе не только греки. И грузины, и армяне, и украинцы, и та же Россия – все на грани Запада и Востока. Но что объединяет греков с Украиной, так это желание жить и гордиться собой за счет великих достижений, что когда-то совершили предки. К счастью, этого, мне кажется, нет в Грузии – грузины в этом плане более подвижные, динамичные и гордятся тем, что делают сами, сегодня. Я говорю с некоторыми преувеличениями, но таково мое впечатление. А в Греции жизнь спокойная, но, пожалуй, в негативном значении. Хотя, исходя из того, что у меня была мечта жить в стране, культурой которой я занимаюсь, – это хорошо, что я эллинист. А если бы я был египтолог или занимался бы вавилонской культурой?

- *Это было бы опасно для жизни.*

- Да. Но, несмотря на то, что я высказался о Греции как бы в критическом тоне, там есть целый ряд положительных вещей. И прежде всего – легкость. Хотя с этой легкостью нужно уметь обращаться.

- *Соответствует ли истине миф, что греки, извините, ленивы, предпочитают пить вино, есть оливки и обладают исключительным умением получать наслаждение от жизни?*

- Вообще, о греках очень много мифов – и иронических, и слишком их превозносящих, и уничижительных – о коварных греках... Во всех этих мифах есть доля правды. Греки действительно стараются быть как можно более ленивыми. Но я считаю, что лень – в какой-то степени показатель прогресса. Потому что если бы не было возможности быть ленивыми, они такими и не были бы. С другой стороны, что такое наслаждение жизнью? Для меня это более активная и насыщенная жизнь, нежели просто поедание оливок. Хотя о греках есть еще и другой миф, полностью противоположный, – что это очень деловые люди. И греки любят говорить о себе, что они – «открыты разуму», то есть на все откликаются...

- *Вы занимаетесь античным миром. Требуется ли какое-то усилие души и сознания для того, чтобы совершить скачок из мира современного в античный? Или он подобен нашему?*

- Мои слова будут некоторым преувеличением, но в какой-то момент я пришел к выводу, что начало всей нашей жизни – культурной, политической, всякой – было проиграно-переиграно именно в античную эпоху. Античность для меня – это отображение, проекция современного мира. Прийти в античность, мне кажется, довольно нетрудно, поскольку она обладает каким-то особым романтическим ореолом. С одной стороны, она своеобразная, а с другой, – очень нам понятна, в отличие от каких-то очень далеких экзотических культур. Этим меня античность и привлекает.

- *Если говорить не только о стране, ее истории, а конкретно о человеке... Страсти все те же? То, о чем писал древний грек, и то, о чем пишет современный – похоже?*

- Для меня древняя и современная Греция – это два очень различных понятия. Между ними нет особой преемственности, того, что принято называть латинским словом континуитет. Прежде всего, сменилось само население. Современных греков в чисто биологическом плане с трудом можно назвать потомками древних греков. Да дело и не в этом. А в том, что новая Греция пошла по специфическому историческому, культурному пути, который и отличает ее от других европейских на-

родов. Можно сказать, что Греция больше всего подходит под определение «балканский народ» – это тоже как будто Европа, но все-таки европейский субконтинент со своей субкультурой.

- *Чему мы могли бы научиться у антиков?*

- Многому. Не далее как несколько часов назад я открыл в интернете тексты Геродота, которого любят называть отцом истории, и прочел высказывание кого-то из читателей, который, наверное, впервые для себя открыл эту книгу, о том, что древние греки в отличие от современных писателей писали очень четко, ясно. Каждый видел античность по-своему, будь это в XVIII веке, в эпоху Просвещения или романтизма... Античность любили обряжать в какие-то пышные одеяния. Но она тем и хороша, что очень ясная. Античность – это очень длительный период в истории Европы от середины второго тысячелетия до нашей эры и до пятого века нашей эры, это целый ряд эпох и мировосприятий, отличных друг от друга. Но именно у античности можно поучиться простоте.

- *У римлян тоже?*

- Естественно. Римлян, кстати, часто игнорируют, когда говорят об античности. Распространен эллиоцентристский взгляд – оригинальными-де были только греки, а Рим – это просто римская копия с греческого оригинала. Но Рим – это великолепнейшая поэзия, «золотой век» литературы в эпоху Августа, римский скульптурный портрет с его поразительным реализмом и индивидуализацией, чего не достигли греки, в конце концов, это целый ряд достижений в архитектуре, военном искусстве, праве.

- *Вы упомянули, что сегодня читали Геродота... С какой целью? Работаете или это ваш досуг?*

О.Цыбенко на фестивале в Грузии

- Я готовлю текст русского перевода греческого историка и мифографа Диодора Сицилийского, автора «Исторической библиотеки». Это огромный труд, я издаю его по частям. Лет пять назад в моем переводе с комментариями была издана одна из самых значительных частей этого труда – четвертая и пятая книги, это греческая мифология. А сейчас я работаю над продолжением.

- *Простите, не могу удержаться от очевидного вопроса. Правда, что «в Греции все есть»?*

- В Греции есть далеко не все. Хотя эта фраза не греческая, и греки о ней и не догадываются, тем не менее, грекам очень нравится показать, не только то, что у них есть все, но и то, что все лучшее во всем мире – это греческое.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ПРАВОСЛАВИЕ – СЧАСТЬЕ, ВЕЧНОСТЬ – ПОБЕДА ДОБРА ЧЕРЕЗ ЭТО СЧАСТЬЕ

В ФЕВРАЛЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА СВЯТЕЙШИЙ И БЛАЖЕННЕЙШИЙ КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИЯ II И МИНИСТР ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДМИТРИЙ ШАШКИН ПЕРЕДАЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ ГРУЗИНСКОЙ ПАТРИАРХИИ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИСВОЕНИИ ЕМУ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ. РЕКТОР УНИВЕРСИТЕТА, НАСТОЯТЕЛЬ ИОАННО-БОГОСЛОВСКОГО ХРАМА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ПАТРИАРШЕГО РОДИЛЬНОГО ДОМА ИМЕНИ СВЯТЫХ И ПРАВЕДНЫХ ИОАКИМА И АННЫ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДЕПАРТАМЕНТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ ПАТРИАРХИИ АРХИМАНДРИТ АДАМ (АХАЛАДЗЕ) РАССКАЗАЛ О ТОМ, КАК СОЗДАВАЛСЯ УНИВЕРСИТЕТ.

- Ваше высокопреподобие, мы очень признательны, что вы нашли время ответить на наши вопросы. Университет им. Святой царицы Тамары Грузинской Патриархии, ректором которого вы являетесь, один из первых удовлетворил все установленные государством для авторизации стандарты и ему был присвоен статус высшего учебного заведения, поздравляем вас. С чего началась история создания университетов?

- Мы стремились вернуть православию всегда присущую ему социальную функцию, предполагающую заботу о больных, недужных. Идея вынашивалась долго и постепенно реализовывалась. Годы усилий, в конце концов, увенчались успехом - по благословению Католикоса-Патриарха Ильи II было основано Училище сестер милосердия. Его учредители – Грузинская Патриархия, Министерство здравоохранения и неправительственная организация - Центр биоэтических исследований и культуры. В 2004 году мы смогли объявить первый прием, что стало для нас великой радостью. Студентами были прихожане городских храмов. Они имели различный возраст (в основном врачи). Это был первый этап по тернистому пути к заветной цели – статуса Университета им. Святой царицы Тамары Грузинской Патриархии. В 2005 году, с благословения Святейшего, Училище получает статус Института сестер милосердия и социальной медицины им. Святой царицы Тамары и присоединяется к Духовной академии, в структуру которой входили Институт богословия и Институт экологии и декоративного садоводства. В этом статусе он просуществовал до 2009 года.

Архимандрит Адам (Ахаладзе)

- В чем специфика Университета им. Святой царицы Тамары, при Грузинской Патриархии по сравнению со светскими вузами?

- У нас в стране до последнего времени не существовало высшего сестринского образования. Хотя, в соответствии с рядом международных документов, медсестры являются не просто помощниками врача, исполнителями его поручений, а представителями самостоятельной профессии. И это справедливо, ведь «сестра должна иметь тройную квалификацию: сердечную — для понимания больных, научную — для понимания болезней, техническую — для ухода за больными». Только в прошлом году на государственном уровне было принято решение о введении университетской системы подготовки медицинских сестер – бакалавриат. С нынешнего года на факультет сестер милосердия мы будем принимать по бакалаврской программе. В течение четырех лет будущие медсестры в бакалавриате Университета им. Святой царицы Тамары, при Грузинской Патриархии будут обучаться навыкам комплексного, всестороннего ухода за пациентами, облегчения их страданий, реабилитации, знаниям в области психологии и психотерапии в пределах своей компетенции, а потом смогут продолжить образование в магистратуре. Учебная программа включает в себя медицинские и духовные дисциплины. Духовные дисциплины (катехизис, социальная диакона, церковно-хоровое пение и чтение, нравственная психология и др.). В группе сестер милосердия мы стараемся уделить одинаковое внимание воспитательному и учебному процессу, по-

лага, что они неразрывно связаны между собой. Воспитательный процесс основан на многовековом опыте душепопечения и воспитания Православной церкви. К внешнему виду предъявляются определенные требования, обязательно посещение церковных богослужений в воскресные и праздничные дни, исповедь у духовника. В целях гармонизации систем светского и духовного образования, для того, чтобы наши выпускницы не были ущемлены, чтобы их дипломы были признаны государством, мы подали заявку на авторизацию и успешно прошли ее. Теперь выпускницы нашего Университета смогут работать и в светских учреждениях, ведь сестры милосердия нужны и обители, и обществу. Наше стремление – постоянно совершенствовать организацию учебного процесса, с тем, чтобы студенты могли получить максимальные знания – главный показатель успешной работы.

- *Каков состав преподавателей в Университете им. Святой царицы Тамары?*

- В нашем университете преподают специалисты с большим опытом работы в вузе, в клинике. У них есть чему поучиться, чтобы самому стать отличным специалистом.

- *Как строится обучение в вашем Университете? Какие факультеты-программы?*

- В первую очередь, это зависит от факультета-программы. В Университете шесть факультетов. Исходя из концепции, что лечение человека исключительная прерогатива врача, что психотерапевтами должны быть специалисты с высшим медицинским образованием, а психологи в клинической работе – помощниками врачей, на факультет Психического здоровья и психотерапии принимаются исключительно специалисты с дипломами врачей. Они обучаются в течение двух лет и получают квалификацию магистра клинической психологии. Магистратура по психотерапии – дело будущего. Еще одно перспективное направление – прикладная социальная психология. Есть бакалавриат и магистрантская программа. Параллельно с организацией учебного процесса мы стараемся обеспечить адекватный ответ системы образования вызовам времени. Число факультетов постепенно увеличивается, кропотливо готовятся новые рабочие учебные программы и силлабусы. Так, открыв в 2009 году факультет Превентивной и социальной медицины и менеджмента здравоохранения, мы восполнили пробел, возникший в период структурных реорганизаций, как в системе медицинского образования, так и в системе здравоохранения. Фактически мы воссоздали модернизированную версию санитарно-гигиенического факультета. Еще одно направление в обучении – открытие факультета Физической и реабилитационной медицины, что очень важно в лечении таких серьезных заболеваний, как инсульт, инфаркт, болезнь Паркинсона, болезни центральной нервной системы, состояния после травм и ортопедических операций. Кроме того, при Университете создан Центр гуманитарных и социально-культурных исследований. Он занимается изучением вопросов культурного наследия, философского осмысления идеологических и культурологических концепций.

- *Насколько мне известно, основная область ваших научных изысканий – биоэтика. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.*

- Вся моя деятельность основана на христианстве и богословии. Среди сфер научных исследований био-

этика занимает для меня главное место. Преподают биоэтику на всех факультетах, а также читаю лекции по биоэтической и христианской антропологии. Концепция биоэтической антропологии была отправной точкой моей докторской диссертации. Биоэтика изучает духовные, нравственные и антропологические проблемы и дилеммы современной медицины, биомедицины и системы здравоохранения. Это вопросы, связанные с искусственным оплодотворением, с эвтаназией, с трансплантацией органов, с использованием стволовых клеток, с развитием генной инженерии, генной медицины... Знание основ биоэтики необходимо! У нас есть такая магистрантская программа – биоэтические принципы системы здравоохранения. Специалисты этой области – магистры общественного здравоохранения, а не биоэтики. А нам так нужны молодые кадры – магистры биоэтики, чтобы они читали лекции и проводили семинары. Мало кто посвящает себя истинной биоэтике. В основном занимаются правовыми вопросами – как бы это все вписать в законы.

- *Как вы относитесь к суррогатному материнству?*

- Очень часто люди не ведают, что творят. И, возможно, они бы этого не делали, если бы им все правильно объясняли. Задается вопрос: «Возникают ли какие-нибудь проблемы, когда суррогатная мать отдает ребенка заказчице?» Ответ: «Естественно, не возникают! Потому что генетически ребенок ничем не связан с суррогатной матерью, и это она знает с самого начала!» Что это такое? Это не что иное, как психологическая манипуляция. Не может быть, чтобы женщина в течение девяти месяцев носила ребенка, и у нее не возникла бы психологическая и даже телесная привязанность к нему. Ведь плод питается кровью сурро-

Церковь Иоанна Богослова

гатной матери. Сколько бы ни твердили руководители центров суррогатного материнства, что в евангелии об этом ничего не сказано, мы возражаем: «Но там ничего не сказано и о том, что женщина имеет право носить чужой плод!» Надо понимать, что грех порождает грех, зло порождает зло. И тогда возникает вопрос: а каковы корни этого дерева? Мне говорят: добрые. Хорошо, но тогда и плоды с этого дерева должны быть добрыми. Но это совершенно не так: происходит разрушение всего святого. Мы никогда не призываем кого-то осудить, наказать. Мы просто хотим, чтобы грех был человеком

Будущие сестры милосердия

борим. Христианство призывает только к этому. За эту борьбу с грехом Господь дарует человеку спасение. А что на деле? На деле грех не называется грехом. Никогда не пришло бы в голову однополым семьям иметь собственного ребенка. В конце концов, они его усыновили бы. Но вот новые технологии дали им возможность прибегнуть к помощи суррогатной матери. Женщина стала странной такой няней еще нерожденного ребенка. Никогда не было бы операций по стерилизации, к которым прибегают некоторые мужчины, чтобы избежать появления нежеланных детей, потому что они хранят свои половые клетки в банке генетического материала. Если бы не было новых технологий, не рождались бы дети от отцов, покинувших наш бренный мир, а бабушка не стала бы суррогатной матерью своей внучки... Таким образом, мир превращается в антимир, в котором человек просто не может быть счастлив. Мы насилуем природу, идем против Бога! И вообще, материнство в принципе не может быть суррогатным. Потому что материнство священо.

- А что делать, если здоровье не позволяет завести ребенка естественным путем?

- Нужно жить в Боге и нести свой крест. Если у пары нет ребенка, это драма, но не трагедия. С такими людьми я почти ежедневно беседую. Они готовы жить без ребенка или... усыновить.

- По первой специальности вы врач, хирург по сердечно-сосудистой хирургии и кардиоанестезиолог. Казалось бы, медицина, вообще естественные науки, должны вступать в противоречие с религиозными воззрениями. Тем не менее, вы стали священником.

- Противоречия абсолютно не существует. Врачевание, профессия врача - один из самых прямых путей к жизни во Христе. Потому что медицина сама по себе - энциклопедия жизни. И врач видит такие стороны

жизни, которые не видит никто другой. По окончании клинической ординатуры я стал заниматься кардиоанестезиологией и защитил в этой области кандидатскую диссертацию. Когда я уже работал самостоятельно, у меня часто возникало странное чувство. И вот с чем это связано. Во время кардиохирургических операций человек полностью отключен: за сердце работает аппарат, который гоняет кровь по всему телу, дыхание тоже обеспечивает аппарат, и мы, вводя какие-то лекарства, включая эти аппараты, поддерживая определенную температуру тела, каким-то образом управляем жизнью человека. Но при этом всегда было подсознательное ощущение, что существуют реальные нити, через которые на самом деле управляют жизнью пациента. Этой нитью не может быть шланг или провод, протянутый к тому или иному аппарату. У меня часто появлялся страх - не дай бог, что-нибудь случится. Что делать, если оборвутся эти тончайшие нити? Ведь обеспечение аппаратами нормальной жизнедеятельности человека происходит только лишь потому, что помогает Господь. Незримая сила управляет жизнью. Мы стараемся спасти, иногда безрезультатно. Выживают порой те, кто должен был умереть. Вот это очень важно!

- Кто ваши духовные родители?

- Моей духовной матерью была схиигумения матушка Серафима. Она была истинной наследницей старчества. Она видела в своей жизни столько святых людей, жила с ними, общалась... С 1961 года матушка Серафима жила в Тбилиси. Она была великое чудо и при этом такая простая женщина! ...Я уверен, что только верующий человек может стать гениальным ученым. А мы сейчас называем гениями просто выдающихся, в чем-то отличных от других людей - не более того. Ведь гениальность - это не просто мышление, связанное с центральной нервной системой, это мышление, которое мы называем сердечным, сознание, исходящее от

сердца. Вот это самое высокое присуще только людям, которым открывается что-то особенное. Ведь не зря Альберт Эйнштейн был верующим человеком. Иначе он остался бы таким же материалистом, какими были Чарльз Дарвин и его последователи. Совсем другой ученый – физиолог Иван Павлов. Все думали, что его физиология материалистична. Он просто изучал то, что материалистично, и не мог сказать обо всем. Павлов задался вопросом: «Если существуют фундаментальные физические законы сохранения энергии, то куда деваются все наши чувства, стремления, раздумья, все, что составляет духовную сущность человека?» И ответил на него так: «Они тоже никуда не уходят, они остаются в вечности - в составе духа!» Вот так просто.

- В самый сложный период взаимоотношений между Россией и Грузией диалог Грузинской и Русской православных церквей не прекращался. Продолжается он и сегодня.

- Диалог и не должен прекращаться не только между Церквями... Он подразумевает возможность оценивать и переоценивать. Сегодня в первую очередь – это вопрос территориальной целостности моей Родины. Мне вспоминается Патриарх Святейший Алексий II. Его жизнь, духовная деятельность, его отношения к Иверской церкви, к нашему Католикосу-Патриарху, к проблемам, которые возникали, должны явиться определенным примером. Это человек, который пожертвовал собой, своей жизнью, всем своим существом ради Бога. Потому что он был особым святителем, который мог вместить все. И теперь, когда он ушел, уже можно об этом говорить. Он дал пример того, как можно, чтобы две Церкви – две сестры-церкви, как он говорил, жили в мире, понимании, во взаимной молитве. Эта молитвенность связывала двух патриархов – Илию и Алексия. И я видел видеокadres, запечатлевшие Илию II после панихиды по Алексию II. Он сказал: «Представился великий патриарх!» Его молитвами Господь даст нам, ныне здравствующим, и молитву, и настрой на мир и согласие. В конце концов, мы должны молиться о спасении, все остальное преходяще. Слава Богу, что через несколько лет после ухода из жизни об Алексии заговорили как о великом человеке. У него было много борьбы в жизни и, конечно, он рано ушел от нас. Его Святейшество всегда признавало неоспоримую юрисдикцию Грузинской Православной Церкви и в Абхазии (епархия Пицундская и Сухумско-Абхазская), и в Цхинвальском регионе (епархия Никозская и Цхинвальская), чем во всеуслышание через синодальные решения поддерживал территориальную целостность Грузинского государства. Поэтому в его адрес звучало много несправедливой критики...

- В православии наше спасение?

- Да! Да! Да! И Православие – наше счастье. Состояние счастья понимает только человек спасающийся. Какое счастье в том, если человек весь мир обретет, а душу свою погубит? Знаете, обыкновенная муха все видит, у нее огромный объем зрения, но не может воспринимать целое – это называется « мозаичное зрение ». Очень часто человек похож на насекомое – видит, а воспринять, как целое, никак не может. Человек может быть неверующим, но если в нем заложена гениальность, он обязательно придет к вере. И эта гениальность так будет писать о вере, так будет правильно все понимать! Иногда, читая какие-то шедевры, литературоведы приписывают писателю то, о чем он и не думал. В произведениях Достоевского мы столько всего находим! А он и остановиться не мог. Просто этот дар был ему дан – и все. Другой, возможно, тоже хорошо писал, но вышел на совершенно другое поле.

- А вам кто ближе – Достоевский или Толстой?

- Достоевский. Там столько поисков истины! Когда

я читаю Достоевского, то понимаю, что этот писатель – часть моего внутреннего мира. И я получаю большое удовлетворение от общения с ним. По сравнению с Достоевским поверхностным кажется даже гениальный Толстой.

- Как вы считаете, критерии добра и зла сегодня размыты?

- Да, часто в сознании современных людей размыты критерии добра и зла, потеряны духовные ориентиры. Сейчас важно не просто назвать грех, но и донести до сердца человека весь ужас многолетнего служения греху... У Марка Твена есть такая забавная мысль: «Мне часто кажется, что лучше бы Ной и его команда опоздали на свой ковчег». Конечно, он имел в виду тех потомков патриарха Ноя, которые столько зла натворили в мире... Однако, надо помнить, что Вечность – это победа Добра.

- Скоро Пасха! В этом году наступление Пасхи празднуется 24 апреля, и уже заранее все православные готовятся к самому светлому и радостному празднику под названием Воскресение Христово. Ваше высокопреподобие, что бы вы пожелали читателям журнала «Русский клуб»?

- Что может пожелать человек, обремененный в священный сан? Безусловно, это, прежде всего, — спасения души. Сердечно поздравляю читателей вашего журнала

и всех православных верующих со светлым и радостным праздником Воскресения Христова! Желаю всем Пасхальной радости, душевного и телесного здоровья, надежды и веры в будущее. В Пасхальную ночь тысячи православных верующих соберутся в храмах, чтобы вместе прославлять Христа Воскресшего, ощутить ни с чем не сравнимую Пасхальную радость. Пусть нынешний праздник Святой Пасхи Христовой для всех верующих и жителей Грузии будет светлым и радостным, придаст новые силы для преодоления трудностей и испытаний нашего непростого времени.

- Ваше высокопреподобие, мы очень признательны, что вы нашли время ответить на наши вопросы.

Беседовала Инна БЕЗИРГАНОВА

ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!

«Плывут над площадью светлые размытые облачка. Глядят из-за них на город звезды Воскресения. О Пасха! Новая, святая, таинственная. Какое счастье! Как хочется поделиться им со всеми...», - эти строчки из повести современного Юрия Лошица «Пасха Красная», кажутся, отражают сегодня настроение и ту светлую, тихую радость, которая наполняет нашу душу в преддверии « праздника праздников» - Святой Пасхи.

Известно, что во все времена в России православные праздники были органичной частью повседневной жизни всех слоев общества. Поэтому образы и мотивы, отражающие сюжеты православных праздников, были свойственны творчеству русских художников и писателей. В отличие от западной культуры, где наиболее важными всегда были рождественские мотивы, в русской культуре главное художественное воплощение получила Пасха.

Пасха – это чудесное Воскресение Христа, пожертвовавшего своей жизнью ради миллионов грешников. Поэтому каждый из нас, воспитанный на культуре изначально православной, ждет на Пасху чуда. Пасха - это момент просветления, воспарения человека, его освобождения от своей слабости. Именно по этой причине пробуждение героя – и нравственное, и физическое - приходится на пасхальную неделю в рассказе Леонида Андреева «Гостинец». Для героев рассказа Пасха - это момент всеобщего ликования человека и природы, возможность соединения земного и небесного и очищение человека от всего тмного и низкого.

Николай Васильевич Гоголь считал, что смысл Пасхального дня состоит в том, «чтобы взглянуть в

этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата». Эти мысли он высказал в посвященной этому празднику статье «Светлое Воскресение». Идеал святости был как бы маяком света и согревал души тех, кто искал его. «В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней — те же всегдaшние занятия, та же повседневная жизнь, то же будничное выражение на лицах, он чувствует грусть и обращается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не повседневная. Ему вдруг представится — эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье «Христос воскрес!», которое заменяет в этот день все другие приветствия, этот поцелуй, который только раздастся у нас, — и он готов почти воскликнуть: «Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!»

Для русского человека Пасха – это было, прежде всего, полное приятие Божьего мира. Перед Богом равны все. И все достойны, не исключая даже грешника и самого «маленького» человека, жалости, любви и участия.

Изначально русская культура считала своим идеалом святость. Православная Русь с момента Крещения

поняла, что именно святость - величайшая ценность нации. Не случайно историю русской словесности начинает «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. Считается, что «Слово» прозвучало либо перед пасхальной утренней службой, либо в первый день Пасхи. Так пасхальная по своему духу проповедь стала одновременно и истоком русской художественной литературы. Тема воскрешения души человека, возрождения не только личности человека, но и всей России стала одной из лучших традиций русской культуры.

День православного Востока

Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!..
О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повеи.
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней/
Ф. Тютчев

Иван Алексеевич Бунин, которого по праву называют последним представителем живой русской классической литературы XIX века, в одном из своих выступлений соединил образ Пасхи с образом националь-

ного возрождения. Бунин призвал всех русских людей свято верить в то, что по Великой Милости Божьей «камень от гроба будет отвален» и Россия обретет жизнь, победив собственным воскресением все лихолетье XX столетия и последующую неустрашенность. Ее возрождение будет подобно лучам солнца.

Но каким же тернистым, отмеченным невосполними потерями, был путь русского человека и русской культуры к этой святой вере в возрождение! Через страдания и боль идут к своему духовному воскресению герои Толстого и Достоевского, Гоголя и Лескова, Чехова, Куприна, Бунина, Шмелева, Есенина... Кажется, трудно найти в русской литературе большого художника, которого не волновала бы эта тема. И даже двадцатый век, с его воинствующим атеизмом, сокрушавшим храмы и коверкавшим души, не смог искоренить те ценности, на которых строилась русская культура.

Неподдельная грусть звучит в строках стихотворения поэта Серебряного века Игоря Северянина:

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...
Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

Рассказ Александра Исаевича Солженицына «Пасхальный Крестный ход», написанный в 1966 году, один из ярких рассказов русских писателей XX века о Пасхе. С поразительной точностью в этом рассказе зафиксированы и весь мрак той безбожной эпохи, и то прекрасное мужество, которое отражалось в лицах небольшой группки верующих, идущих с пасхальными песнопениями через брань, плевки и гоготание пьяной толпы. Путь русской культуры в годы всех этих безбожных десятилетий был подобен крестному. И этот путь она прошла вместе с героями Шолохова и Пастернака, Солженицына, Ахматовой, Булгакова и еще многими, многими учителями нашей совести, не устававшими повторять, что истинная вера, основанная на любви к ближнему и ко всему сущему на земле, бессмертна. Она возрождается из мрака и пепла через страдания, подвиг и самоотверженный труд души, «смертью смерть поправ». И потому будет всегда современным и созвучным нашей

душе голос русской литературы, обращенный к сердцу и совести каждого из нас:

О дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовет?
О нет! Не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

А.Плещеев

Виктория ПОПОВА

Гайоз Жордания

МАГИЧЕСКОЕ «ЕСЛИ БЫ»

Лукавые, молодые глаза, ирония, сквозящая в каждом слове, пылливость творца, познающего мир... Таким я вижу Гайоза (Гизо) Жордания – режиссера, педагога, мудреца. Недавно увидела его спектакль «И навсегда твой пленник», в котором Марию Стюарт и Елизавету Английскую играют несколько актрис – вчерашних студенток, воспитанниц мастера.

- Неожиданный прием! Гайоз Вуколович, почему? Чтобы занять больше студентов? Или вы руководствовались соображениями творческого, а не утилитарного порядка?

- Здесь сошлись утилитарные и творческие соображения. Любой из нас носит в своем характере разные черты, поэтому невозможно воспринимать человека в черно-белой цветовой гамме. Мария Стюарт и Елизавета Английская – многоаспектные личности. Елизавета была одновременно доброй и злой, щедрой и скупой, была женщиной неудовлетворенной и в то же время имела много любовников, утверждая при этом, что она девственница. Больше всего королева любила Англию, но иногда ненавидела ее, потому что корона мешала ее чисто человеческим чувствам. То

же можно сказать о Марии Стюарт. Она была хищницей, интриганкой и одновременно рабыней мужчины, чувственной и в то же время возвышенной. Мария Стюарт обладала огромной властью над мужчинами. Во всяком случае, мы это находим в литературе о королеве шотландской. Ни об одном монархе не писали так много, как о Марии Стюарт. И аспекты - самые разные. У Цвейга она более многогранна, человечна, чем у Шиллера. О Марии Стюарт писали Фердинанд Брукнер, Лопе де Вега, Пьер Ронсар. Портреты Марии Стюарт создавали замечательные художники. Невозможно, чтобы все качества, присущие этой незаурядной личности, сыграл, передал один человек... как Гамлета, например. Так же интересна Елизавета Английская. Трагическое и в то же время комическое, иногда водеvilное, фарсовое начало проявляется и в одной, и в другой героине – как и во всех нас. Поэтому я распределил разные черты характера Марии Стюарт и Елизаветы Английской на нескольких актрис.

- Вами переработан огромный литературный материал о шотландской королеве.

- В этом мне помог Дата Тавадзе. В моем спектакле он играет ведущего. Дата мечтает стать режиссером, и я направил его в русло актерского мастерства, но с уклоном в режиссуру. Вместе со мной он работал над материалом, легшим в основу спектакля. Мы обратились к текстам Людмилы Разумовской, Брукнера, Цвейга, Шиллера, к стихам о Марии Стюарт и поэзии самой королевы шотландской – кстати, она писала

великолепные стихи. Потом весь материал мы разложили как пасьянс, были распределены роли, и уже во время репетиций все пришло к общему знаменателю. Разумеется, существовали общая концепция, идейная направленность, конструктивная основа. Для студентов это была хорошая учеба... Да и для меня самого.

- Спектакль рождался трудно?

- Помогло магическое «если бы» Станиславского. Молодые были уже обучены, но воспринимали тексты так, как они написаны. А я им всегда говорил: «То, что написано, - это одно, а то, почему рождается это написанное, - совершенно другое. Почему все это случилось? Ведь настоящая жизнь идет за текстом, текст – это продукт. Воображение все время работает. Вот сейчас я с вами разговариваю и вижу что-то определенное, возможно, не соответствующее сказанному вами. И текст окрашивается той или иной интонацией в зависимости от того, что я думаю, или, возможно, скрываю что-то, не договариваю. Артисты должны обладать навыком жить за текстом, действием, заранее осознать все происходящее в спектакле, делать заготовки. Таким методом и рождались многие сцены. Часто я спрашивал того или иного студента: «Ну, что скажешь?» Иногда в том, что я слышал, было попадание в цель... Со временем это случалось все чаще и чаще.

- Сейчас некоторые режиссеры, так сказать, скользят по верхам, стремятся к моментам чистой зрелищности, разного рода трюкам. Погружения вглубь текста не происходит, слово теряет в театре свое значение...

- Если не смотреть, а только слышится, это не очень хорошо, хотя возможно! Но когда и слышится, и видится, и плачется, и смехок в зале возникает, это самое замечательное. В жанровом отношении не стоит придерживаться чего-то одного – трагедии, комедии... В реальности трагическая интонация иногда вдруг сменяется почти фарсовой. Такова жизнь! В нашем спектакле нет ни одного момента, который не смотрится. Другое дело, нравится тебе это или не нравится. Возможно, в первом акте есть какие-то скучные эпизоды, но это уже зависит от качества. Аллегория, метафора – все есть! Главное – не быть жадным на выразительные средства...

- То же можно сказать о вашем спектакле «Луарсаб Таткаридзе» по произведению Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?»

- Жанр постановки - фарс на грани фолы... Но наступает в спектакле момент, когда становится очень грустно. У героев нет потомства. Они чувствуют себя несчастными, переживают настоящую трагедию! И когда в финале Луарсаб и его жена Дареджан прощаются друг с другом, у меня иногда наворачиваются слезы...

- И так, человек ли он - Луарсаб? Как вы отвечаете на этот извечный вопрос?

- Каждое время имеет свою злободневность, что ли. Тогда Илья Чавчавадзе нужно было поставить вопрос именно таким образом, и он это сделал! А сегодня разве нет таких, как Луарсаб и его жена, – людей, которые ничего не делают и только небо коптят? Они только делают вид, что работают, живут, любят.

- Но при этом ваши Дареджан и Луарсаб - очень симпатичные люди.

- Да, Луарсаб – не злой человек, он никому не причинил вреда. Он нашел свою половинку. Человек ли

он? Я вставил в спектакль одну собственную фразу. В этой сцене Луарсабу дают книгу Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» Вот, дескать, как ставят вопрос: человек ли он? А Луарсаб на это отвечает: «Конечно, человек! А кто же он?» Конечно, Илья Чавчавадзе очень осуждает своего героя за то, что он бесполезное, бесплодное существо. Грузин не должен быть таким бездельником, считает писатель. Но родился такой человек, что с ним делать? При всем при этом Илья любит Луарсаба, страдает ему и, когда герои ушли из жизни, с грустью пишет: «Что от них осталось? Только маленький кусок земли!»

- В Луарсабе привлекает его жизнелюбие, пантагрюэлизм, если хотите.

- Да, и в этом его сила, энергия. Но куда она направлена? Ведь у него нет потомства... В этом – бесперспективность подобного бытия. Человек должен созидать. Отсюда и название повести: «Человек ли он?»

- Но вы все-таки назвали свой спектакль «Луарсаб Таткаридзе», тем самым вступая в полемику с Ильей Чавчавадзе, утверждая, что Луарсаб - человек, пусть и несовершенный.

- Грузины вообще такие... Луарсабы.

- Хотя сегодняшняя жесткая реальность, кажется, изменила грузина, сделала его более деятельным.

- Да, это уже не те грузины, что были вчера. Новые русские, новые грузины...

- В ваших словах звучит ирония. Вам симпатичнее такой тип грузина - Луарсаб?

- Илья все время ругает Луарсаба, но сам был чем-то похож на своего героя. Он был большим гурманом! Не будь писатель таковым, он не смог бы написать такой потрясающий диалог о еде, который ведут Луарсаб и Дареджан... Это гениально – как он фетишизирует блюда! Думаю, мне нужно было назвать спектакль «Луарсаб и Дареджан»... Многие не могут сегодня отойти от хрестоматийного восприятия повести Ильи Чавчавадзе, от стереотипов... То же можно сказать о восприятии Брехта. Стурра поставил его совершенно по-новому. Я тоже попытался в своем спектакле «Трехгрошовая опера» отойти от штампов. Но многие продолжают видеть в творчестве Брехта только социально-политические моменты, говорят, что он бичевал, обличал... Это всем вдолбили в голову! Те же стереотипы пришлось преодолевать и в отношении повести Чавчавадзе. Кстати, Илья написал стихотворение «Счастливая нация», в котором обличает свою родину. Все пороки он повесил на бедного грузина, как будто сам не грузин. Но тогда это было необходимо...

- С кем вам интереснее работать – со зрелыми, опытными актерами или студентами?

- Когда я работаю со своими учениками, то достигаю того, чего хочу, и по форме, и по содержанию. Но, наверное, если бы это сделали мастера, было бы лучше. В то же время мастера все время сопротивляются... У маститых актеров готовые штампы, которые они то и дело вытаскивают из кармана. Я говорю им иногда: «Нет, не так!». В ответ - удивление: «Почему? Разве это плохо?» - «Не плохо, но это уже вчерашний день. Сегодня нужно иначе». Дети иногда это понимают, хотя и с ними тоже приходится воевать. Так порой сопротивляются, что не дай бог! Пока не поймут сути. А когда поймут, то уже считают это своим собственным достижением. Но я не отношусь к этому ревностно. Такова театральная жизнь. Главное – результат...

Сцены из спектаклей Г. Жордания

Словом, есть преимущества в работе и с теми, и с другими. В обоих случаях мне интересно.

- А как справляться со строптивыми актерами и настаивать на своем, будучи человеком интеллигентным, «милейшим человеком», как назвала вас в своей автобиографической книге Наталья Бурмистрова?

- Во всяком случае, силой или натаскиванием ничего не сделаешь. Нужно что-то придумать конкретное для того или иного актера, чтобы ему было понятно и не возникало сопротивления. Ты должен привести актера к нужному результату. На помощь приходят и объяснение, и показ, и литературное вмешательство. А иногда и обман! Все средства хороши, лишь бы был творческий результат. В политике это ужасно - маккиавелизм! А в театре - совсем дру-

гое: дипломатия! Ты ведь прибегаешь к обману, чтобы актер... воспарил! А некоторые режиссеры мечтают закабалить актера. Они хотят господствовать над другими. Лев Толстой гениально сказал в своем «Воскресении» приблизительно следующее: «Живешь для того, чтобы господствовать над другими? Посмотри, что происходит вокруг: птички поют, солнце светит, трава пробивается! А ты думаешь о том, как господствовать над другим человеком? Ты просто дурак!» Такова мысль Толстого. Я не люблю властвовать. Но режиссер - такая профессия! Ты должен повести машину! Но если эта педаль, на которую ты нажимаешь, не отвечает, ты должен починить ее, сделать смазку! Иначе машина не поедет, испортится! Это металл, техника, конструкция... Но человек ведь гораздо сложнее, он - уникальное создание! Металл не отвечает, а как ответит человек? Насилие? Насилие всегда рождает насилие. Но иногда нужно и закричать, и выругаться. Помню свою первую встречу в Грибоедовском театре. Я пришел туда из оперного театра, хотя тогдашний министр культуры Отар Васильевич Тактакишвили был против моего ухода. По этой причине мне перекрыли в драматические театры все дороги... но я так стремился в драму! И вот я назначен главным режиссером театра имени Грибоедова. Помню, директор Отар Папиташвили спросил меня: «Мы снимем прежний репертуар?»

- «Почему?» - удивился я. «А «Сон в летнюю ночь?» - «Зачем? Премьера, народ ходит! Интересный, своеобразный спектакль!» - «А кто будет восстанавливать?» - «Лейла Джаши! И откроем новый сезон этим спектаклем!» - решил я. Думаю, именно так нужно жить. Я против того, когда новый режиссер выбрасывает все, что было сделано до него, -- по принципу «новая метла по-новому метет». Что это тебе прибавляет? Расскажу о том, как я впервые встретился с грибоедовцами. Лейла Джаши вела репетицию спектакля «Сон в летнюю ночь». К концу зашел я. На сцене были Аркаша Шалолашвили, другие актеры. Вдруг слышу какое-то фырканье. Я постучал - замолчали. Потом снова фырканье, смешки... Я всерьез возмутился: «Что такое? Откуда это хихиканье, в чем дело?!» Издеваются? Вполне может быть! - рассудил я. Какой-то тип пришел из оперного театра... Я снова стучу, но хихиканье не прекращается! И тогда я фортиссимо выматерился. Причем на грузинском и армянском - по-авлабарски... Все сразу стихло. Репетиция закончилась. Спасибо! Все свободны... Вдруг из-за кулис выглядывает Валя Семина и спрашивает меня шепотом: «Гайоз Вуколович! Можно к вам?» - «Что вы шепчете? Подойдите и скажите, в чем дело!» - «Гайоз Вуколович, вы - наш! Спасибо, можно вас поцеловать?» - «Вообще-то нельзя, ну ладно уж!» - великодушно позволил я. Валя меня обняла, и с этого дня мы стали друзьями. Как выяснилось, Семина стояла за кулисами, гримасничала, валяла дурака и смешила актеров. А Валентина была великим мастером розыгрыша!

- Многие помнят ваши замечательные постановки на грибоедовской сцене. Они пользовались неизменным успехом у зрителей. Это спектакли «Дорогая Елена Сергеевна», «Час пик», «Синие кони на красной траве»...

- Драматичной оказалась судьба спектакля «Дорогая Елена Сергеевна» по нашумевшей пьесе Людмилы Разумовской, вокруг него был огромный ажиотаж! Аншлаги, аншлаги... Но однажды на спектакле у крупного офицерского чина резко подскочило давление. Меня вызвали в ЦК, потом состоялась аудиенция у Эдуарда Шеварднадзе. За спектакль вступился находящийся в тот момент у Эдуарда Амвросиевича писатель Нодар Думбадзе... И все-таки спектакль вскоре был снят - в 1983 году пьеса Разумовской была запрещена по распоряжению Министерства культуры СССР.

- Сколько лет вы работали в театре Грибоедова?

- Семь. Для меня период работы в театре Грибоедова в профессиональном отношении -- счастливое время. Наверное, в театре полного счастья не может быть. Но это было действительно спокойное, творчески плодотворное время. Спектакли собирали полные залы. За семь лет я отдохнул от грузинского театра, где все шиворот-навыворот. И вообще мне всегда нравился русский театр с его традициями - Малый, МХАТ... Когда в Тбилиси приехал Георгий Товстоногов, он встретился с актерами театра Грибоедова, и та же Семина спросила его: «Георгий Александрович, сколько главных режиссеров можно поменять в театре за три года?» - «Тринадцать!» - уверенно ответил Георгий Александрович. Валя промолчала. «Откуда вы взяли число тринадцать?» - спрашиваю потом Товстоногова. «Просто режиссер должен знать все!» - сказал он. Грибоедовский театр вообще был сложным организмом, случалось, у режиссера возникал конфликт с труппой и он вынужден был уйти. А у меня конфликтов в театре никогда не было, всегда царил полный консенсус! Хотя, наверное, не все и не всегда были довольны мной. Да это в театре и невозможно!

Инна БЕЗИРГАНОВА

ДВЕ ВСТРЕЧИ С КОСМОНАВТОМ НОМЕР ОДИН

Когда Юрий Гагарин совершил свой беспрецедентный космический полет, мы с моим другом и однокурсником по ВГИКу – Леной Садковым были в Египте на съемках кинолетописи о строительстве высотной Асуанской плотины.

Однажды утром (а это было 12 апреля 1961 года), выходя из каирской гостиницы «Виндзор», мы и не подозревали, чем закончится тот день. Во время съемок жанровых сцен в городе арабы, которых мы снимали, узнав, что мы из СССР, от всей души стали поздравлять нас, произнося по слогам слово «Гагарин». С нашим посольством, да и с торгпредством связи у нас не было. Транзисторные радиоприемники тогда только появились, а о мобильной связи никто и не догадывался. Именно тогда от радостных жителей мы узнали новое

арабское слово «сарух» - спутник. В газетных киосках рядом с портретами кинозвезд появились газеты, с аршинными заголовками арабской вязью, и журналы, с обложек которых улыбался первый космонавт. Мы сняли несколько таких планов, не подозревая, что через год сможем запечатлеть на пленку не только обложки в каирских газетных киосках и книжных магазинах, но и самого космонавта №1.

15 января следующего года, закончив в Египте репортаж о пребывании делегации министерства энергетики и электрификации СССР, накануне возвращения домой, узнали, что по дороге в Монровию – столицу Либерии – Гагарин сделает остановку в Египте. О такой удаче, которая обогатит фильм, хроникер может только мечтать! На докладной о продлении командировки

глава делегации – министр, будущий председатель Госстроя СССР Игнатий Трофимович Новиков наложил резолюцию «согласен», и мы остались ждать прибытия первого космонавта.

Встреча была очень помпезной. На военном аэродроме под Каиром был выстроен почетный караул всех родов войск. Были приглашены советские специалисты, работающие в Египте, с женами и детьми, которым предстояло запомнить это событие на всю жизнь. Для съемок проезда кортежа по городу журналистам выделили две открытые автомашины типа «пикап» с двенадцатью сиденьями, в три ряда расположенными в кузове лесенкой. На улицах среди флагов, флажков и гирлянд в приветствующих недостатка не было. Тогда в Каире проживало более пяти миллионов жителей, теперь – 15.

Дорогого гостя повезли во дворец совершить риту-

С Сергеем Королевым

Юрий Гагарин

Ю.Гагарин - гость пионеров Артека

ал – расписаться в книге почетных гостей президента. По своей профессиональной привычке во время съемок событийного характера я всегда находился в двух – трех метрах от основного действующего лица. Так было и на этот раз. Во дворце президента я снимал всю церемонию, стоя прямо напротив столика из красного дерева, инкрустированного золотом, серебром, перламутром и слоновой костью. На столе лежал фолиант в сафьяновом переплете. Когда космонавт расписался в книге почетных гостей президента и положил ручку на стол, я услышал из уст майора Юрия Гагарина слова, которые в ту пору в СССР никто не употреблял. Он спросил: «Скажите, пожалуйста, а как поживает его величество господин президент Гамаль Абдель Насер?»

И мне стало очень приятно за державу, которая смогла так быстро научить вчерашнего старшего лейтенанта витиеватой фразе из лексикона английских лордов.

На следующий день была поездка к пирамидам и сфинксу. Мы приехали заранее. Владельцы верблюдов тесным кольцом окружили нас и туристов, выбиравшихся из такси и автобусов. Они наперебой предлагали покататься на своих экзотических животных и одновременно приторговывали цветными бусами и фигурками из обожженной глины. Божась всеми неизвестными нам святыми, они утверждали, что это и есть «ушеб-

ти», изваяния приближенных вельмож фараона бог знает какой династии, которые полгода назад, ночью, из вон той гробницы откопал его дед и за это поплатится жизнью. Драгоман просил за фигурку «всего один фунт», но когда я ему сказал, что я не турист, а работаю в Египте и знаком с ценами, он был готов уступить за фунт все десять «раритетов», вчера обожженных во дворе собственной хижины.

В Каире была зима. В том январе температура была плюс 24 по Цельсию, а около пирамид и того жарче. Ю.А.Гагарин следовал за гидом, за ними – я, а цепочка гостей и многочисленных журналистов растянулась на добрую сотню метров. За мной шел корреспондент газеты «Правда» Игорь Петрович Беляев, впоследствии доктор экономических наук, автор многих книг, в том числе и о Насере. Его догнал арабский коллега, и вот я слышу, как он просит перевести господину Гагарину, что фотографы хотят сделать снимки высокого гостя верхом на верблюде на фоне пирамиды. Я уступил тропинку Беляеву, и он, догнав Гагарина, перевел с английского просьбу журналистов. После Москвы, в эту жару, быстрым шагом обходя сфинкса и направляясь к маячившим вдали пирамидам, да еще и забираться на верблюда . . . И тут я услышал знаменитую русскую народную фразу: «Пошли они. . .» Затем мы поменялись с Беляевым местами, и он для тех кто не слышал ответа, громко повторил просьбу фотокорреспондента и тут же перевел ответ: «Господа журналисты, коллеги! В ответ

на вашу просьбу сфотографироваться на верблюде на фоне пирамид, первый в мире космонавт гражданин Союза Советских Социалистических Республик Юрий Алексеевич Гагарин сказал, что он не сядет на верблюда и не будет фотографироваться на фоне пирамид, потому что даже будучи в Индии он не садился на священного слона, а предпочитает садиться только в космический корабль».

Каждое отчеканенное слово врезалось в память.

Лучшего перевода я больше нигде и никогда не слышал.

Затем был обед. В ресторане «Под сенью пирамид» стояли столики для космонавта и сопровождающих его лиц. Нас, троих советских журналистов (кинооператор Борис Головня прилетел вместе с Юрием Гагариным), усадили за один стол с арабским генералом, у которого орденские планки на кителе сверкали в пять рядов.

Я всегда считал, что воспитывался в интеллигентной семье и умею пользоваться ножом и вилок. Но когда

угощали его, косясь на орденские планки. Даже закралась крамольная мысль, может, и он не знает?

Я осмотрелся и заметил, с чего начал трапезу Гагарин за соседним столиком, и воскликнув:

- Делай, как я! – взялся за приборы.

Секрет оказался прост: надо начинать с крайних вилок и ножей и оставлять их на тарелке, которую тут же унесет слуга, а за мясными, рыбными, десертными блюдами наступит черед и фруктовых приборов.

Всех почетных гостей Египта всегда возили за 900 километров к югу от Каира, в Асуан, показать начало строительства высотной плотины – восьмого, как тогда считали, - чуда света. В то время единственным законченным зданием на громадной стройке был круглый демонстрационный павильон. Там была выставлена модель будущего гидроузла.

После осмотра макета, у выхода, Ю.А.Гагарина обступили арабские рабочие. Охраны в нашем теперешнем понимании не было, так как не было и террористов. Профессиональная репортерская дерзость, решительность и журналистская хватка обязывали меня думать, куда пойдет главное действующее лицо в следующую минуту и, соответственно, подобрать точку и ракурс съемки.

И вот я стоял возле дверцы шофера и снимал, как напротив меня строители не давали возможности открыть дверцу автомашины, куда уже успели сесть гид и переводчик. Окруженный ликующим народом, Юрий Алексеевич, положив правую руку на раму лобового стекла машины, а левую – на дверцу, ловко закинул свое тело в салон. «Второй космический» - так назвали журналисты прыжок космонавта №1 в открытый седан. В нашем фильме «Асуан встречает друзей» на этом изображении диктор произнес фразу: «В дружественном Египте первому космонавту вновь пришлось испытать чувство невесомости».

Вечером президент Египта Гамаль Абдель Насер украсил Ю.А.Гагарина высшей наградой страны «Ожерельем Нила», состоящим из соединенных кольцами золотых пластин, украшенных драгоценными камнями.

Спустя годы, с делегацией я посетил Звездный городок. Там в музее был выставлен парадный костюм первого космонавта с наградами от всех стран. Я спросил экскурсовода, а где орден «Ожерелье Нила», вручение которого я снимал в Египте, и сразу из оператора, сопровождавшего делегатов XXVI съезда КПСС, по твердому убеждению работников музея, превратился в почетного участника событий, происходивших 25 лет тому назад.

Экскурсовод пояснила, что особо ценную награду вдова оставила в семье.

У меня была еще одна встреча, мимолетная для Гагарина, уже в Артеке.

В свое время мне, как и миллионам моих сверстников, не удалось побывать в этой сказочной для каждого ребенка обители. Кинооператорская судьба занесла меня и в этот уголок Земли.

В это же время в Крыму отдыхал Гагарин вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Сергеем Павловым, с которым он был дружен. Вожатые рассказывали, что Юрий Алексеевич, обожает волейбол и почти каждый день их приглашают на спортплощадку, где молодежь играет с героем космоса. Они обратили мое внимание на удивительную выносливость. Оказывается, молодые вожатые уставали и выдыхались раньше, чем Гагарин.

У меня сохранилась фотография, снятая в Артеке.

Снимал я вечером, когда на торжественную линейку перед Гагариным выстроились по отрядам все пионеры Артека. Потом звучали стихи и песни, а затем зажгли большой прощальный костер, посвященный незабываемой встрече и окончанию оздоровительного потока.

Старт ракеты

справа от тарелки я увидел 6 ножей, а слева – 6 вилок и 3 ложки, лежащие за тарелкой, я растерялся. Араб в феске и праздничной галабее с широким поясом поднес бронзовую чеканную мисочку. Что в ней надо сполоснуть руки, а не пить эту ароматную жидкость, я, имея к тому времени за плечами три африканские командировки, знал. С бокалами было легче, так как другой официант разливал напитки, и, следовательно, их уже можно было пить. А вот что делать с ножами и вилками – никто из нас понятия не имел. Гостеприимный генерал угощал нас и никак не хотел подать нам примера, с чего начинать, а мы, в свою очередь,

Нодар ПАЛИАШВИЛИ

ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ

С 1 января по 31 марта в Грузии прошел конкурс детского рисунка «Путь к звездам», организованный Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» и посвященный 50-летию полета Юрия Гагарина – первого полета человека в космос.

В финале конкурса приняли участие более двухсотпятидесяти учащихся средних школ и воспитанников детских садов Тбилиси, Рустави, Кутаиси, Гори, Батуми и других городов Грузии в возрасте от 4 до 17 лет.

Ответственная и серьезная работа предстояла жюри, в состав которого вошли доктор искусствоведения, художник Нино Заалишвили (председатель), Валентина Баланчивадзе, руководитель детской академии «Мир искусства – детям», главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватикив, художники Ираклий Кипиани и Давид Элбакидзе-Мачавариани. Участники представили на конкурс замечательные рисунки, с легкостью доказав, что одарены талантом, яркой фантазией, богатым воображением, да и просто отлично рисуют.

С трудом и волнением жюри определило лучших из лучших. Лауреатами в возрастной группе до 12 лет стали Лука Готуа, Тбилиси 9 лет (I место), Нино Пурцеладзе, 8 лет, поселок Кикети (II место), Лука Метривели, 7 лет, Тбилиси (III место).

Среди участников в возрасте от 13 до 17 лет победу одержали Георгий Копадзе, 16 лет, Рустави (I место), Ника Харати, 14 лет, Тбилиси (II место), Ирина Хачатурова, 16 лет, Тбилиси (III место).

Специальными дипломами «За оригинальность мышления» и «За яркое раскрытие темы» были награждены Кети Басилашвили, 10 лет, Георгий Бахтадзе, 10 лет, Анна Джинджихашвили, 9 лет, Георгий Манджгаладзе, 11 лет, Лука Нозадзе, 9 лет, Миша Ревия, 9 лет, Ника Хинчагашвили, 4 года, Нозми Худоева, 11 лет, Дени Чахмачян, 5 лет, Анастасия Дорошенко, 13 лет, Торнике Мацхонашвили, 13 лет, Ирина Тодрия, 13 лет, Александр Хачатуров, 14 лет (все – Тбилиси), Саломэ Глинецки, 7 лет, Саба Маркозия, 15 лет (оба – Рустави), Кристина Чачуа, 14 лет, (Самтредия).

10 апреля в Тбилиском русском драматическом театре имени А.С.Грибоедова открылась выставка «Путь к звездам», на которой были представлены работы всех финалистов конкурса. Затем конкурсанты были приглашены на премьеру спектакля «Аленький цветочек» по мотивам одноименной сказки С.Аксакова (режиссер – Вахтанг Николава).

На церемонии награждения, состоявшейся после спектакля, победителям конкурса были вручены дипломы и подарки, а их родители получили на память от «Русского клуба» специальные сувенирные наборы.

Приятным сюрпризом для конкурсантов стали изданные «Русским клубом» каталог выставки и «Сертификат участника», врученные каждому из них.

Победители конкурса Лука Готуа и Георгий Копадзе получили и особый приз - поездку «Золотое кольцо России» по древним русским городам, в которых сохранились уникальные памятники истории и культуры.

Не знаем, станут ли в будущем участниками конкурса «Путь к звездам» художниками или космонавтами, но то, что из них вырастут люди, умеющие смотреть ввысь,

видеть красоту небесных светил, ценить прекрасное, не вызывает никаких сомнений. Спасибо нашим детям за свет и радость, которыми они поделились так щедро, подарив нам, взрослым, немного солнечного детства!

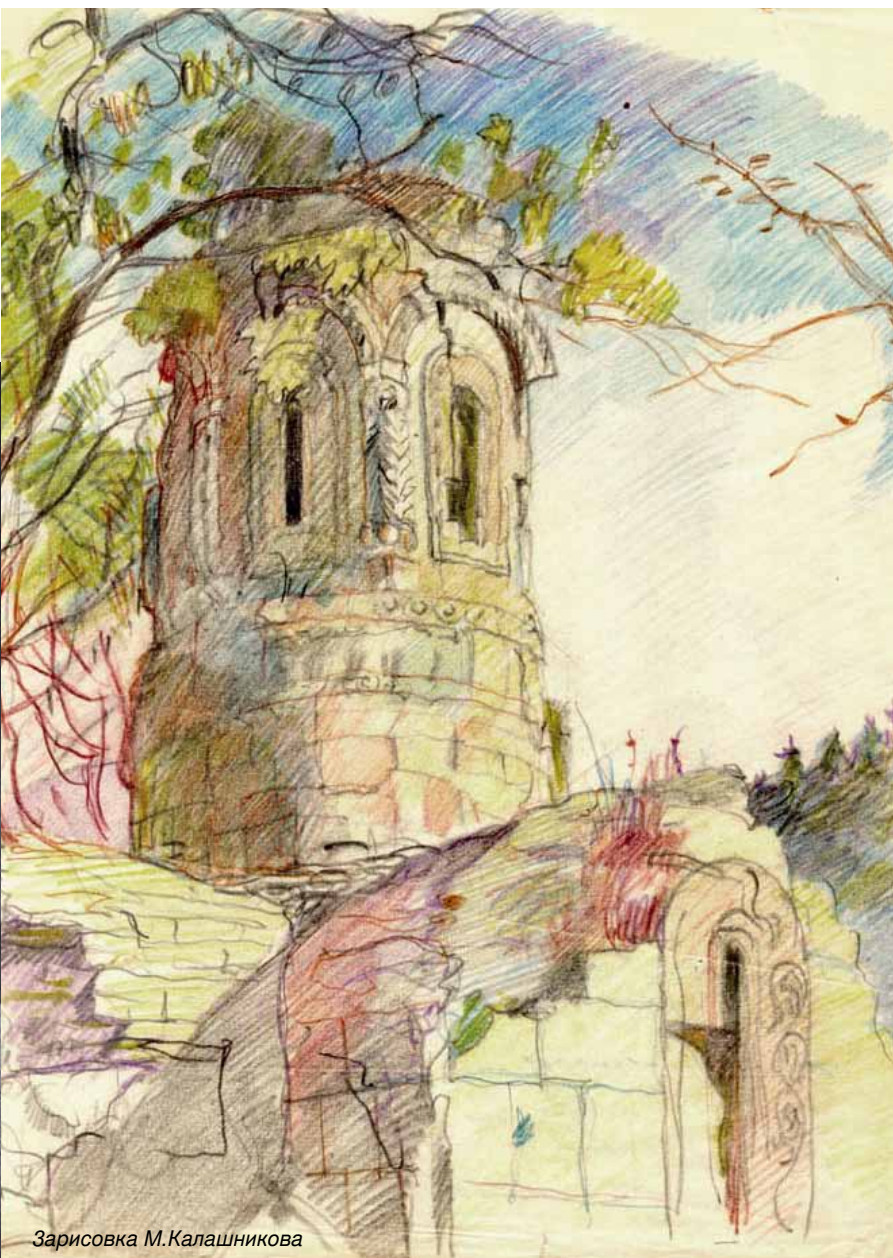
СОБ. ИНФ.

Церемония награждения и конкурсные работы

ЯСНАЯ И ЛЮБИМАЯ ДУШОЙ ЦЕЛЬ

Михаил Калашников

Зарисовка М.Калашникова

8 ИЮНЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ГРУЗИИ, В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ГОРОДА «КАРВАСЛА» СОСТОИТСЯ ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.КАЛАШНИКОВА.

Архитектор Михаил Георгиевич Калашников - один из тех, кто оставил свой значимый след, как в истории изучения древнегрузинского зодчества, так и в архитектуре Грузии. Достаточно вспомнить хорошо известный для коренных тбилисцев топоним « у одиннадцатизэтажного », связанный с самой значительной из его построек. Его отец – Георгий Григорьевич Калашников (1848 г. рождения), дворянин, уроженец Тбилиси, был сыном интендантского чиновника, служившего в Грузии. Окончив Военно-медицинскую академию в Петербурге в конце 70-х годов XIX века со званием лекаря , он также работал в Грузии. Мать – Нина Викентьевна (1856 г. рождения) , как отмечает Михаил Георгиевич « происходила из весьма почтенной польско-грузинской семьи». Ее отец – Викентий Львович Карпович после окончания Киевско-

го университета и получения диплома врача был направлен на работу в Грузию. Он появился в Тбилиси в начале 50-х годов XIX века , где « сразу по приезде » женился на княжне Мелании Павловне Туманишвили. В дальнейшем, как вспоминает Михаил Георгиевич, дед « занимал хорошее место » будучи тифлиским губернским врачом. Мать была пианисткой, в молодости выступала на концертах с известным в то время дирижером Труффи. Давала частные уроки фортепианной музыки. Наряду с этим преподавала музыку в учебных заведениях, например, в « Заведении Св.Нины». После открытия Тифлиского музыкального училища, по выражению Михаила Георгиевича « мать перекочевала туда ».

Михаил Георгиевич родился 19 (6) июля 1886 года в Дагестане, в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г.Буйнакс), куда из Грузии в то время был командирован его отец – Георгий Григорьевич для борьбы с эпидемией трахомы. В 1887 году отца перевели в Боржом, а через два года в Ахалцих, в качестве старшего врача Таманского полка. Полк был расквартирован в Ахалцихской крепости (Рабате) . Там же находилась квартира Калашниковых.

Ахалцихская крепость, это “грандиозное” сооружение, произвело на него в детстве неизгладимое впечатление и предопределило дальнейшее его увлечение памятниками культуры и архитектурой.

Позже Михаил Георгиевич вспоминал: “сама крепость как инженерное и архитектурное сооружение со всеми ее башнями, стенами, бойницами, ходами, лестницами и сводами явилась фактором формообразующим меня как человека ...

Благодаря ей, с самых ранних лет я воспринял и освоил толщину, высоту, длину, размер, т.е. масштабность сооружения и это чувство никогда мне не изменяло в течение всей архитектурной жизни и являлось путеводной звездой при решении всяких задач. Я останусь всегда благодарен Ахалцихской крепости. Это был мой главный вуз, и он определил меня как архитектора и как исследователя памятников старины, чем я занимался всю жизнь”.

В 1894 году Георгия Григорьевича перевели из Ахалциха в Тифлис старшим врачом стрелкового батальона. В 1896 году М.Калашников поступил в Тифлисское реальное училище, которое закончил в 1904 году “ почти восемнадцатилетним юношей ” . В том же 1904 году он отправляется в Петербург, где поступает в Институт гражданских инженеров. Однако, в 1910 году Михаил Георгиевич которого учеба в институте, по его же словам, “не удовлетворяла своей примитивностью”, переходит в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в Петербурге, где у него появилась “ ясная и любимая всей душой цель: стать художником, развить свой вкус ... “ .

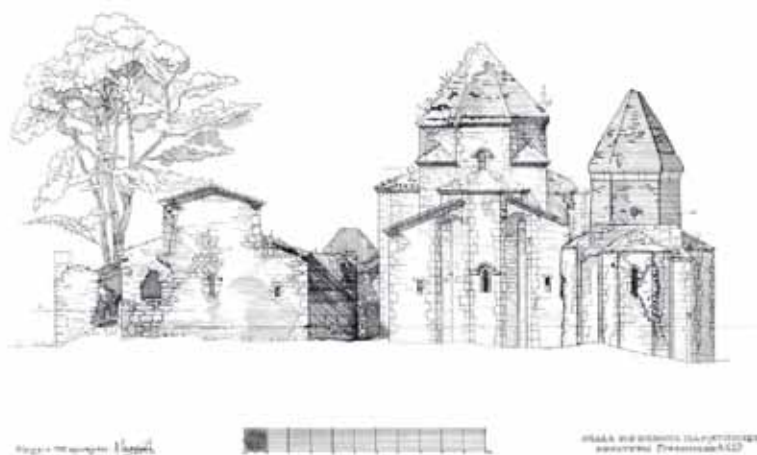
Во время учебы в Петербурге он встречался со многими известными деятелями искусства. Это архитекторы Алексей Щусев, Иван Фомин, Владимир Щуко, Евгений Шреттер, Николай Лансере, брат художника, который впоследствии довольно длительное время жил в Тбилиси и воспитал не одно поколение грузинских художников (с Е.Лансере Михаил Георгиевич долгое время дружил). Он также познакомился и “близко сошелся “ со своим однокурсником по институту тбилисцем Николаем Северовым, ставшим потом исследователем древнегрузинской архитектуры, архитектором-практиком, педагогом, с

братьями Весниными, которые затем с 1920-х годов возглавили направление, известное под названием конструктивизм, особенно с двумя из них – Виктором и Александром (Виктор Александрович один из авторов ДнепроГЭСа), со Львом Рудневым, автором здания Академии им.Фрунзе, Московского университета, Дома правительства в Баку. В числе его знакомых оказалась и Мария (Маруся) Жибровская – “очаровательная полячка несколько авантюристического характера”, ставшая затем женой одного из основоположников современной архитектуры Франка Ллойда Райта.

Уже с первого курса Института гражданских инженеров М.Калашников начал работать сначала чертежником, а затем и помощником у различных архитекторов. В частности, работал он у Е.Шреттера, В.Щуко, а позднее (в 1913 или 1914 гг.) у И.Фомина.

В 1905 году он поступил на работу к известному тбилисскому архитектору Александру Рогойскому, автору нескольких значительных зданий в Тбилиси. В то время А.Рогойский строил здание православной духовной семинарии в Ваке и церковь в Надзаладеви. Михаилу Георгиевичу было поручено составление орнаментированных шаблонов для отделки актового зала семинарии и технический надзор за постройкой церкви.

В целом же, как он отмечает, на его формирование

Обмер Дзвели Шуамта

как художника огромное влияние оказала вся художественная атмосфера Петербурга начала XX века, выставки “ Мира Искусства “, у Ивана Фомина и Владимира Щуко, а также участие в многочисленных конкурсах совместно со Львом Рудневым”.

Первой самостоятельной работой М.Калашникова был обмер в 1911 году по “собственному почину” церкви и колокольни Гударехского монастыря (XIII в.) .

Эта работа постановлением Совета профессоров была зачтена ему как курсовая – “Изучение памятников средневековой архитектуры”, а Комиссией по приобретению была приобретена для музея Академии художеств, хотя впоследствии Михаил Георгиевич считал, что “по всей вероятности, я эту работу сделал скверно, т.к. у меня не было никакого навыка,

11-этажный дом на площади Героев

но тогда я отдал ей все свои силы“. Тем не менее, пишет он, “я завоевал себе репутацию (конечно, незаслуженно) серьезного исследователя памятников старины“.

Летом 1912 года он был послан Комиссией по изучению памятников старины Академии художеств в Грузию, в “большое путешествие “по Кахетии “с авансом в 300 рублей“ для обмера памятников архитектуры. Одновременно с этим, Общество истории и этнографии Грузии, которым руководил Эквтиме Такайшвили, выдал ему такую же сумму денег, также послало его в Кахетию с аналогичным заданием.

“Мой маршрут по Кахетии“, - вспоминает он, - “был точно расписан Эквтиме Семеновичем Такайшвили, с указанием не только памятников старины, подлежащих

А.Шанидзе, А.Чубинашвили, Е.Векилова, М.Калашников. 1921

На пленере. 1912

обмеру, но также, где я должен у кого остановиться“. Главные обмеры этой экспедиции – церковь Квелацминда в Гурджаани (VIII-IX вв.) и церковь Вачнадзиани (IX в.) были приобретены Музеем Академии художеств, а также “исполненные в другой манере” – Обществом истории и этнографии в Тбилиси. “Мое кахетинское путешествие сыграло в моей жизни огромную роль в развитии моего вкуса как художника и наполнило мою жизнь многочисленными событиями чисто этнографического характера“, - пишет Михаил Георгиевич. Так завершилось его первое, но далеко не последнее путешествие в Кахетию.

С 25 ноября 1914 года Михаил Георгиевич “находился в мастерской профессора - руководителя“ Леонтия Николаевича Бенуа, который в те годы был и ректором Академии художеств. Под руководством того же Л.Н.Бенуа он впоследствии и исполнил свой дипломный проект на тему “Военно - исторический музей“.

В декабре 1917 года, окончив Академию художеств и получив звание художника-архитектора, М.Г.Калашников из Петрограда “прибыл на родину в Тбилиси “. Вернувшись в Тбилиси он “тотчас же“ начинает работать в Кавказском историко-археологическом институте художником-архитектором, а затем с 1922 по 1931 год - штатным ученым архитектором института. С 1938 года он работает в Отделе по охране памятников культуры Грузии, где был “занят как изучением, так равно и ремонтом памятников старины“.

В течение нескольких десятилетий им было обмерено большое количество памятников древнегрузинского зодчества, в т. ч. такие значительные, как храмы VII в. – Атени и Цроми (альбом этих чертежей был издан в 1925 году), монастырь Дзвели Шуамта (V – VII вв.), церкви – Икорта (XI в.), Тимотесубани (XIII в.), Питарети (XIII в.), Бетаниа (XIII в.), Кинцвиси (XII-XIII вв.), Тисели (XIV-XV вв.). Кроме того, многочисленные памятники Кахетии (культовые, оборонные, хозяйственные), отдельные объекты в Западной Грузии, в частности, крестьянские жилища в Вани, оборонные сооружения в Цагери и другие. Во время войны, зимой 1941-1942 и 1942-1943 годов Михаил Георгиевич был послан на границу с Турцией и предгорье Кавказа с целью фиксации памятников старины, которые могли пострадать от военных действий, за что был награжден медалью „За оборону Кавказа “.

“Обмер с натуры, а главное исполнение чистовых чертежей“, - пишет он, - “я всегда приравнивал к игре пианиста. Можно сыграть Баха и Бетховена и так и сяк. Тоже при подаче обмера. Я старался всегда подать обмер так, чтобы будущее поколение зажглось желанием творчества “ и продолжает “ при исполнении чертежей обмеров я считал, что они, кроме передачи композиционной сущности памятника и его форм, должны графически зажигать зрителя своим художественным исполнением“.

Следует отметить, что при исполнении обмерных чертежей исключалась “тушевка кистью“, поскольку при их публикации это удорожало издание. Поэтому “все надо было выразить линией“. Именно такую задачу ставили перед ним ученые, “ибо тогда можно было бы печатать в два раза дешевле цинкографией, а не фототипией ...” . В связи с этим он “вынужден был искать сам свое выражение линии“.

За 40 лет упорной работы, особенно над обмерами Цроми, Атени, Дзвели Шуамта и Тисели“, – пишет Михаил Георгиевич, - “мне кажется я достиг некоторой виртуозности в этом деле. Линия получилась у меня лаконичной, не жесткой и снабжена вкусом“. Здесь не лишены инте-

реса его высказывания о графике и о линии “как о таковой”: «Линия это не просто черта карандаша по бумаге. Линия – это глубоко продуманная композиция. Если линия проходит через 3 точки, то дальнейший ее ход уже предопределен. Этот культ линии был доведен мною до конца, считает он. Линией мне даже удавалось передавать объемы и фактуру».

В чем он достиг несомненного совершенства так это в обмерах памятников архитектуры Грузии, считает внук Михаила Георгиевича заслуженный архитектор России Кирилл Дмитриевич Фомин. Его обмерные чертежи надо видеть. Желательно в оригинале. Они обладают редким сочетанием точнейшей документальности со столь же точным художественным образом объекта.

У Михаила Георгиевича необычайно было развито чувство пропорций. Он испытывал реальные, почти физические страдания при виде здания с плохими пропорциями.

Однажды он даже сказал, что у него, если бы он мог загадать три желания, то первым была бы способность исправлять неудачные пропорции во встречающихся зданиях (две другие мечты: маленький грузовичок “полторка” для поездок по Грузии и должность библиотекаря в Ватикане на старости лет).

Параллельно с изучением и обмерами памятников архитектуры Грузии М.Калашников занимался и творческой деятельностью – вел работу архитектора – строителя. С 1915 года по 1940 год (т.е. начиная с Петербурга, а затем в Грузии) им было составлено свыше 100 проектов различных зданий и сооружений, из которых 18 было осуществлено.

В своих проектах, которые отличаются высоким профессиональным мастерством, он опирался на традиции русского классицизма, использовал и принципы современного ему конструктивизма. Часто в своей деятельности пытался использовать формы грузинской национальной архитектуры, хотя, по его же словам, “в натуре эти попытки успеха не имели”, за исключением, лишь старой колокольни Сионского собора, восстановленной по его проекту.

Среди его проектов наиболее интересны конкурсные проекты: Института марксизма-ленинизма, 1933 г.; стадиона «Динамо» в Тбилиси, 1933 г. (совместно с архитектором Д.Фоминим); Дома правительства, 1934 г. (совместно с архитекторами М.Непринцевым, Н.Тоидзе, Ш.Тулашвили); Музея искусств “Метехи”, 1939 г.; административного здания «Грузугля» в Тбилиси, 1946 г. (совместно с архитектором Н.Паремусовой). Наряду с ними, проекты гидростанций для Западной Грузии (1925 г.); проекты мостов через Куру в г.Мцхета, 1924 г. (совместно с инженером П.Соловьевым) и в Тбилиси (1927 г.); проект театра для г.Ленинакана, 1926 г.; проект дома на 200 квартир в Тбилиси, 1935 г. (совместно с архитектором Н.Тоидзе, при участии И.Эрн и Б.Карбина); проект 38- квартирного дома киностудии в Тбилиси, 1939 г.

Среди осуществленных по его проектам построек наиболее значительны здание санатория в Либани (Грузия), 1926 г.; театр в г.Хашури, 1927 г.; здание железнодорожного вокзала на станции Сардарпат (Армения), 1927 г.; административное здание с магазином по ул.Кирова (ныне ул.Леонидзе,2) в Тбилиси, 1934г.; ванное здание Бальнеологического курорта в Тбилиси, 1937 г. (совместно с архитекторами Ю.Житковским и Б.Карбиным); жилой дом по проспекту Плеханова, 147, 1935 г.; здание 100-квартирного жилого дома на площади Героев в

Жилой дом на пр. Давида Агмашенебели, 154

Дом Патриарха и колокольня (15 в.) у Сионского собора

Тбилиси, 1939 г. (это здание представляет собой самую значительную постройку архитектора); реставрация колокольни (XV в.) Сионского собора, 1946 г., которая несомненно может служить образцом мастерски проведенной реставрации, а также бывший дом патриарха Грузии по Сионской улице, проект которого был составлен в 1942-1944 гг. (к сожалению, по мнению автора, при постройке облик этого здания был значительно искажен).

«Он очень, очень любил Грузию», - вспоминает К. Фомин. Всерьез примеривался к фамилии Хачапуридзе, рассматривая грузинское хачапури как эквивалент русскому калачу. Гордился своим званием “ Заслуженный деятель искусств Грузии “ которое получил в 1947 году (до этого в 1945 году был награжден орденом “ Знак Почета”).

В 1957 году М.Калашников по семейным обстоятельствам был вынужден переехать в Москву, где скончался 21 мая 1969 года.

Тамаз ГЕРСАМИЯ

ВЕРНУЛАСЬ ЗА ЗОЛОТОМ

Лидерство Кетеван Лосаберидзе захватила после первых выстрелов и уступать никому не собиралась. А погода для стрельбы на Московской олимпиаде была – хуже не придумаешь. Резкий порывистый ветер относил легкие стрелы в сторону, а потом полил дождь!

Но все так же невозмутима на линии огня грузинская лучница с красивым чеканным профилем. Три последние ее стрелы ложатся точно в оранжевый круг мишени – три «десятки» и в сумме – новый олимпийский рекорд. Так пришла к Кетеван Лосаберидзе золотая медаль олимпийской чемпионки, первая в истории отечественной школы стрельбы из лука.

А потом в Тбилисском аэропорту была встреча с верными друзьями, и Елена Степановна Гокиели, не скрывая волнения за младшую подругу, повторяла: «Это великая женщина, великая».

Олимпийскую чемпионку первым поздравил муж.

Оба знали, как весома для них олимпийская золотая медаль и какой трудный выбор она сделала, когда решила: спорт и семья мешают друг другу.

В 1975-м написала заявление в Спорткомитет СССР – невиданное в истории спорта – с просьбой вывести ее из состава сборной страны, уже имея за плечами опыт выступлений в самых престижных соревнованиях, познав вкус победы на чемпионатах мира, Европы, СССР, побив все мыслимые рекорды, пройдя горечь олимпийского турнира в Мюнхене 1972 года, когда четвертое место заставило ее разрыдаться.

Олимпийское золото, по словам старшего тренера сборной страны Арсента Шугаиповича Балова, она потеряла, серебро уступила, а бронзу подарила подруге по команде. Всего одно очко отделяло ее от олимпийской медали Эммы Галченко. И это после четырех дней стрелкового марафона!

Позже Кетеван удалось отличиться, выиграв Кубок Амброзиано в Италии – единственные соревнования в

лучном спорте, когда спор ведут между собой и мужчины, и женщины.

Два года продлилось добровольное самоотлучение Кетеван от спорта. Но повешенный на стене кватирты лук настойчиво звал: возьми меня в руки. И она совершила невозможное – вернулась в большой спорт и в число лидеров.

английском городе Ковентри. А потом пришли победы на международном турнире в Ростове и в розыгрыше Кубка СССР, где она улучшила свой мировой рекорд, установленный в Германии. И это еще не все: на исходе все того же года, соревнуясь на всесоюзном турнире в Северной Осетии, грузинская лучница набрала фантастическую сумму, первой из женщин превысив рубеж 2600 очков.

Кетеван Лосаберидзе

Эти победы дорогого стоили, ибо достигнуты в споре с сильнейшими соперницами.

Кетеван на всех соревнованиях года удавалось выполнять норму мастера спорта международного класса. Поэтому ее снова, как в 1972 году, пригласили в сборную команду Советского Союза: предстояло доказать свое право на лидерство с популярными спортсменками тех лет, в том числе с чемпионкой мира 1975 года, заслуженным мастером спорта Зебиниссо Рустамовой из Душанбе.

Основные же соревнования олимпийского сезона свелись к соперничеству Кетеван Лосаберидзе и москвички Натальи Бутузовой, рекордсменки мира. С Наташей перед Олимпиадой-80 тренеры связывали самые большие надежды. И место в команде за нею было забронировано. За оставшуюся единственную вакансию в олимпийской сборной борьбу вели сильнейшие лучницы, которым принадлежали в общей сложности семь рекордов мира.

Как все физически очень сильные люди, Лосаберидзе приветлива и доброжелательна. Ее мягкая улыбка заставляет забыть, каким тяжелым трудом добыты все эти медали и мировые рекорды, когда одно натяжение лука требует огромного усилия. Кстати, материальная часть, особенно важная в этом виде спорта, подбирается строго индивидуально; оружием дорожат, ему вручают свою судьбу.

Кетеван поддержал муж - работник МВД Грузии, полковник Юрий Гветадзе, который, разделяя ее любовь к спорту, всерьез утверждал, что стреляет не хуже, хоть и не из лука.

И выяснилось, что спорт и семья, эти две сферы жизни, прекрасно могут уживаться.

Что волнует более всего в преолимпийском году? Конечно же, Олимпиада.

О ней был наш давний разговор с Кетеван Лосаберидзе в университетском салу. Только закончился спортивный сезон 1979 года, самый для нее счастливый. Кетеван стала абсолютной чемпионкой Европы в

Доктор сборной страны Петр Павлович Фролов как-то сделал любопытные подсчеты. Соревнования по упражнениям М-1 и М-2 проходят в общей сложности четыре дня с утра до вечера, примерно по семь часов в день с полуторачасовым перерывом. Так вот, Петр Павлович подсчитал, что только физическая нагрузка лучниц при весе лука до 5 кг плюс статическое напряжение (натянутой держат тетиву от 6 до 10 секунд) – может быть приравнена к разгрузке трехтонного грузовика!

Незадолго до открытия Московской олимпиады Кетеван выдали новый лук, и надо было случиться, что

у ее соперницы, молодой лучницы из Ташкента Ольги Роговой сломался лук. Лосаберидзе отдала ей свой новый, а замену ему нашли после олимпийского турнира.

Участие грузинской лучницы в Олимпиаде-80 долго оставалось под вопросом. Путь в сборную ей перекрывала именно Оля Рогова, чьи заслуги были не меньше. Только последняя прикидка, за несколько дней до открытия Игр, отдала предпочтение Лосаберидзе.

«Я как будто неплохо стреляла и старым луком», – смеется она.

. . . Кетеван выпустила очередную серию стрел в оранжевый круг мишени, сдвинула на затылок белую косынку с олимпийской эмблемой, бросила взгляд на трибуны лукодрома: зрители прячут лица от резкого, порывистого ветра. Хлынул проливной дождь.

В этих сложных погодных условиях дрогнули сильные мужчины. Исаченко на самом финише упустил золотую медаль. И у другого сверхопытного мастера Ешеева стрельба шла не лучше.

1 августа, в день своего рождения, Лосаберидзе просто была обязана стрелять лучше других. Чувствуя рядом дыхание Наташи Бутузовой, она была первой в стрельбе на 30, 60 и 70 метров, и второй - на 50-метровом рубеже. По ходу двух кругов установила новый олимпийский рекорд.

«Муж потом мне сказал, – рассказывала абсолют-

Зебиниссо Рустамова

ная олимпийская чемпионка, – дескать, как это так. Мы все волнуемся, просто места себе не находим, а ты совершенно хладнокровна!»

Она стояла на огневом рубеже, промокшая до нитки и счастливая.

Отовсюду бежали к ней люди, спеша поздравить нового лидера мирового лучного спорта.

Рекордсменка мира Наталья Бутузова довольствовалась олимпийским серебром.

Через два года после Олимпиады-80 у супругов родилась дочь Тинатин. Радость их была безмерна!

«Есть поговорка: «За двумя зайцами погонишься...», – задумчиво говорила мне Кетеван. – Так вот первым «зайцем» для меня всегда оставалась семья, вторым - спорт».

Сама она была восьмым ребенком в большой семье. Отец работал на баритовой шахте, недалеко от горного села Кирово Ткибульской зоны. Судя по высшей награде страны - ордену Ленина, был не последним в работе, и дети его не чурались труда. А потом пришла беда – умерла мама, и старшая сестра Анико оставила школу, чтобы ухаживать за маленькими. «Мне тогда было четыре года, – вспоминала Кетеван, – и без взаимовыручки мы просто не выжили бы».

В ранге олимпийской чемпионки и заслуженного мастера спорта, кавалера ордена Дружбы народов она приехала в родное село, в семью старого горняка Баграта Лосаберидзе. Как высокую награду, приняла из крестьянских рук тяжелую виноградную «олимпийскую» гирлянду. Отсюда, с родного порога, уходила в большую жизнь. Окончила на медаль кутаисскую школу и физико-математический факультет Кутаисского педагогического института с красным дипломом.

Первое занятие по физической культуре оказалось ее спортивной судьбой. Большой энтузиаст стрельбы из лука Шалва Джашиашвили, первый и единственный ее тренер, будущий заслуженный тренер СССР, не уставал повторять ученикам: «Запомните: все вы прирожденные стрелки. Это от предков передалось, ведь Грузия исстари знакома с луком. Посмотрите древние чеканки, почитайте Шота Руставели, познакомьтесь ближе с обычаями своего народа, и вы убедитесь, что лук у нас всегда был не только почитаемым оружием, средством охоты, но и азартным спортивным увлечением».

Мог ли педагог в смелых мечтах видеть среди своих воспитанников олимпийскую чемпионку в этом виде спорта, который после 52-летнего перерыва включат в программу Олимпийских игр?

Но невозможное возможно, и все пришло, и олимпийское чемпионство навечно, и мировое признание.

Наш давний разговор возвращается к «зайцам». «Третьим «зайцем», за которым я погналась, была наука», – говорит Кетеван.

Все эти годы она преподавала на кафедре общей математики Тбилисского государственного университета им.Ив.Джавахишвили. Профессию свою любит и бросать не собирается. Кандидатскую диссертацию по математическому анализу довести до защиты не пришлось, не хватило ей ни времени, ни физических сил. Крупным ученым она тогда не стала, но неплохим педагогом остается и этим горда.

«Я благодарна спорту, – сказала Кетеван, – за то, что он сближает людей, учит дорожить дружбой. Жаль раскидала нас жизнь по городам и весям, по ближнему и дальнему зарубежью.

Арсен ЕРЕМЯН

От редакции: в №3 «РК» под материалом о Майе Чибурданидзе по технической причине потерялась подпись автора – Арсена Еремяна, за что приносим извинения читателям журнала.

И ТВОРЧЕСТВО, И ЧУДОТВОРСТВО

Балетмейстер... Это одна из самых сложных профессий на земле, но, пожалуй, одна из интереснейших. Балетмейстер должен сочинить танец, придумать новые движения (а это очень непросто), составить оригинальные комбинации, и все это в гармонии и единении с музыкой или же исходя из музыки, опираясь на сюжет. Именно балетмейстеру дана уникальная возможность создавать свои творения, соприкасаясь с великим таинством природы, с самым совершенным созданием на земле – человеческим телом. Он лепит образы и создает единение мужского и женского тел, соединяя и показывая их в непривычных ракурсах, в новой пластике и новых ритмах (будь статика, прыжки или вращения), изобретая такие позы, которые и становятся самим танцем, в какой бы динамике они не были бы исполнены. Балетмейстеру дана возможность приблизиться к гармонии и показать ее зрителю.

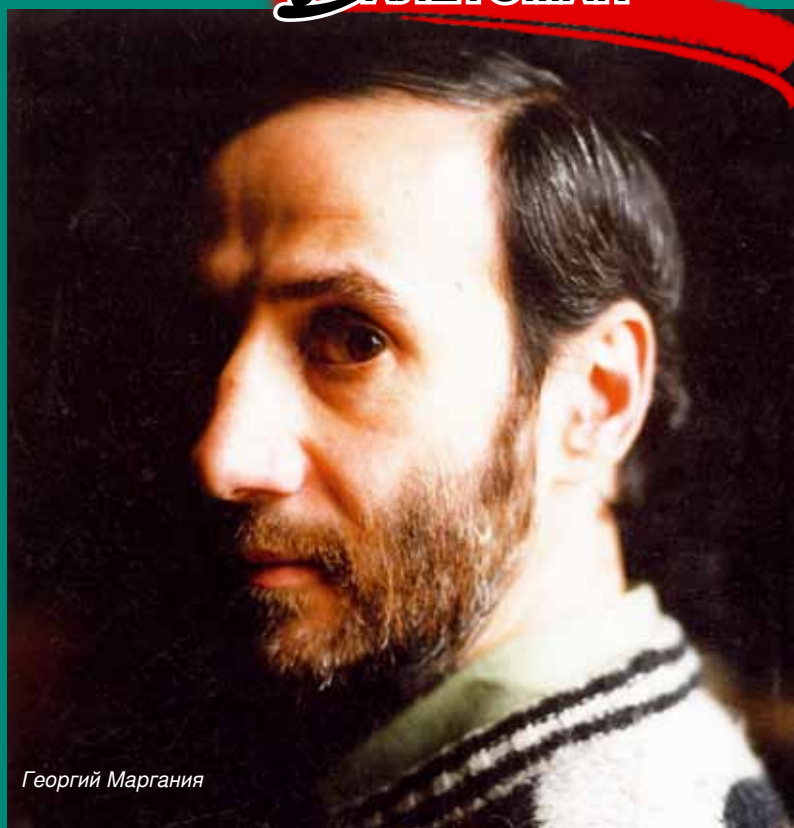
Что же для меня есть балетмейстерство?

Прежде всего, это способ мышления пластическими образами в определенном пространстве, когда любая произвольно выбранная точка этого пространства может стать и центром круга, и началом бесконечной прямой, длящейся в любом направлении. Это состояние, когда ты можешь воспринимать мир не в трехмерном пространстве, а гораздо объемнее. Для тебя все фигуры и направления – право, лево, круг, спираль, синусоида – вибрируют в разных тональностях и рожают новый пластический мир, в котором ты и создаешь гармонию.

Воспринимая мир через движения, которые для меня несут определенный образ или даже код, шифр, я пытаюсь разгадать их именно в пластике человеческого тела, таящего в себе знание всего человечества. Задумайтесь, движениям, которые даны человеческому телу изначально, не надо обучаться, в отличие от речи. Двигаться – это так же естественно, как дышать, как пить материнское молоко... Движения понятны всем, ими владеют, независимо от расы, вероисповедания и социального происхождения. И в этот мир человек приходит именно через движение, а сама форма эмбриона очень пластична и несет в себе информацию. Я часто использую позу эмбриона в своих постановках, поскольку это одна из универсальных форм – она вобрала в себя начало и конец человеческой жизни, тайну жизни и смерти.

Воспринимая людей через жесты, движения и пластику можно быть уверенным в суждениях, потому что тело никогда не лжет, оно не бывает фальшивым, в отличие от слов, за которыми можно «спрятаться». За жестом не «спрячешься» – он расскажет и объяснит все. Пластика тела всегда лаконична. Одним движением можно выразить гораздо больше, чем любой речью, и даже любая поза, показанная в статике, бывает гораздо более «говорящей», нежели тексты. Поэтому так завораживают и восхищают скульптуры, созданные гениями, и я считаю, что великие скульпторы Фидий, Мирон, Донателло, Микеланджело и Роден были выдающимися балетмейстерами.

Тело человека – одно из самых совершенных инструментов, способных выразить любые эмоции и настроения. Наверное, не случайно, что именно тело было

Георгий Маргания

принесено в жертву во имя спасения души. Во имя великого спасения и жертва должна быть огромной. Грехи человечества взяло на себя великое тело, и распятый образ Спасителя несет в себе поистине космический код. Разведенные в стороны руки готовы для принесения себя в жертву, но одновременно они раскрыты для объятия человечества и для защиты всего мира. Распяты – также универсальная поза, которую я часто использую в своих постановках.

В одном из апокрифических Евангелий упоминается об Иисусе, который танцует. Я постоянно думаю о том, каким мог быть этот танец, и мое воображение рисует стоящую в совершенной статике фигуру, источающую абсолютное спокойствие. И в этой статике – такая динамика движения, а в спокойствии – такая буря эмоций, которые способны родить тишину. Эта тишина вибрирует, излучая энергию, исходящую от этой неподвижной фигуры, вводя окружающих в транс, в состоянии медитации, в котором они и видят танцующего Иисуса, и этот танец – первозданность, настоящее движение – движение, существовавшее в своей изначальности, движение, которым был создан мир и вся Вселенная.

Творя танец, Иисус, наверное, был хореографом...

Для меня, как для балетмейстера, было бы величайшим откровением дойти до той формы совершенства, когда в статике я смог бы выразить все, ведь моя профессия, в отличие от других, дает такую возможность.

Господь создал мир пластичным. И я счастлив, что через пластику, благодаря моей профессии, могу хоть немного приблизиться к Богу и почувствовать единение с Ним...

Георгий МАРГАНИЯ

«Русский клуб» сердечно поздравляет Гио Маргания с юбилеем и желает ему здоровья, творческого долголетия и благополучия!

НУЖНО СПАСАТЬ СЛУХ

Зураб Анджапаридзе, Додо Алексидзе, Нодар Андгуладзе. 1979

«ВСЕ, КТО КОГДА-ЛИБО СЕРЬЕЗНО ЗАНИМАЛСЯ ПЕНИЕМ, ЗНАЮТ: НАЙТИ ХОРОШЕГО ПЕДАГОГА ПО ВОКАЛУ ПРИМЕРНО ТО ЖЕ, ЧТО ВЫИГРАТЬ СЧАСТЛИВЫЙ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ. ЧТО ТАКОЕ ВОКАЛЬНАЯ ШКОЛА И СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОНА НА САМОМ ДЕЛЕ?» - С ТАКИМ ВОПРОСОМ ОБРАТИЛСЯ ВЕДУЩИЙ ПЕРЕДАЧИ «АБСОЛЮТНЫЙ СЛУХ» НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «КУЛЬТУРА» В.ЯНИН К ГЕРОЮ ОЧЕРЕДНОГО СЮЖЕТА НАРОДНОМУ АРТИСТУ ГРУЗИИ, ПРОСЛАВЛЕННОМУ ПЕВЦУ И ВЫДАЮЩЕМУСЯ ПЕДАГОГУ ПО ВОКАЛУ, УЧЕНОМУ-ЛИНГВИСТУ, КАНДИДАТУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ ТБИЛИССКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ НОДАРУ ДАВИДОВИЧУ АНДГУЛАДЗЕ.

- В вашем выступлении несколько неожиданно прозвучало признание: «Я долго боролся, чтобы стать певцом». Как это понять?

- Мой отец, Давид Ясонович Андгуладзе, был великим певцом. И принять от него эстафету было и рискованно, и нескромно. Это меня долго сдерживало.

- Но когда пришло время выбирать профессию, ваш певческий дар уже был оценен должным образом. Не обернулось ли для вас поступление в университет потехой времени?

- Не осмеливаясь петь, по внушению отца я задался целью получить серьезное гуманитарное образование. Более всего притягивали филология, история. Но, поступив в университет, я остро ощутил давление над этими дисциплинами «официальной» идеологии. Закончив первый курс, я предпочел перейти на факультет языкознания (в то время его возглавлял выдающийся лингвист Арнольд Чикобава), где с предметами марксизма явно было легче. Я погрузился в изучение истории языков Древнего Востока и Передней Азии, вопросов взаимос-

вязи культур народов Кавказа со Средиземноморьем. Эти искания воплотились в кандидатскую диссертацию. Опубликованная в виде монографии, она и сегодня востребована специалистами. После защиты я стал доцентом Тбилисского государственного университета.

- А музыка?

- Занятия музыкой никогда не прекращались, хотя направление их не всегда было академическим. Я почти окончил музыкальный техникум по классу фортепиано, отец исподволь приобщал меня к искусству пения, но начало моим выступлениям положило участие в художественной самодеятельности университета, которая в то время была прекрасно организована. Устраивались гастроли в Москву, Киев. Уже будучи доцентом университета, я получил от дирекции Киевского оперного театра приглашение на вакансию с зарплатой первого тенора. Но работать в опере я окончательно решил после того, как однажды, торопясь к выходу на сцену, отец упал, споткнувшись о реквизит, получил тяжелый перелом и уже не смог выступать. Став оперным певцом, я не сразу расстался с университетом, но репетиции, спектакли, особенно зарубежные гастроли так осложняли работу со студентами, что пришлось уступить обстоятельствам.

- В какой роли вы дебютировали на тбилисской сцене, и кто была ваша партнерша?

- В роли Хозе, а Кармен была Таня Малышева.

- С чего началось ваше приобщение к Большому театру?

- Шел 1957 год. Я выступил в традиционном молодежном концерте, посвященном дню рождения В.И.Ленина - такие концерты проводились в Москве каждый апрель. Отца тут же забросали письмами, посыпались приглашения меня в молодежную группу Большого театра. Спустя год, во время второй Декады грузинского искусства в Москве, на меня снова обратили внимание и предложили пройти конкурс для поступления в труппу Большого театра. Конкурс состоялся по всем правилам: открытая сцена, полный состав худсовета. Дирижиро-

вал Александр Шамильевич Мелик-Пашаев, друг нашей семьи, знавший меня с детства. По окончании оркестр разразился овацией. Несмотря на такой прием, как ни убеждал меня Зураб Анджапаридзе, который к этому времени уже был солистом Большого театра, я не смог решиться на переезд. Однако после дебюта в апреле 1960 года в роли Хозе (Кармен была Лариса Авдеева, а дирижировал снова Мелик-Пашаев, который очень ценил эту постановку Бориса Покровского), я стал частым гостем Москвы, с удовольствием откликаясь на приглашения театра. С благодарностью вспоминаю, с каким трогательным участием относились ко мне в Большом. Собираясь на гастроли, например, я не брал с собой театральные костюмы; они дожидались меня в артистическом гардеробе с биркой «Нодар Андгуладзе».

- И ваша стажировка в Италии проходила одновременно с молодыми солистами Большого театра, общение с которыми сохранилось на долгие годы. При каких обстоятельствах вас послали в Италию?

- Я участвовал во многих конкурсах – всесоюзных, международных, в фестивалях молодежи. Как видно, имя мое звучало, и когда министр культуры Екатерина Фурцева стала отбирать кандидатов для стажировки в Ла Скала, я оказался в их числе.

- Судя по ролям, подобно большинству теноров, вы предпочитаете итальянскую оперу?

- Я люблю всякую оперу. Очень нравится музыкальный театр Рихарда Вагнера (более всего «Лоэнгрин»), Рихарда Штрауса. Но, конечно, моя основа – итальянский репертуар, и самые любимые роли Манрико из «Трубадура» Верди, Эдгар из «Лючии ди Ламмермур» Доницетти, Турриду из «Сельской чести» Масканы.

- А из русских опер?

- Прежде всего «Пиковая дама». К роли Германа меня готовил отец, который в свое время прошел ее со Станиславским. Пел я Раймонда в «Орлеанской деве» Чайковского. Среди персонажей опер Мусоргского всегда привлекал Самозванец, но позже я открыл для себя Шуйского и переключился на исполнение этой сложной, значительной в сюжете и, как мне кажется, недооцененной исполнителями партии. Шуйского в 1984 году я пел на сцене Большого театра, Бориса – Паата Бурчуладзе, и, судя по реакции зала, мы имели большой успех. Однако, музыка русских композиторов мне более близка в камерно-вокальных жанрах. Из исполненных мною романсов мог бы получиться внушительный список.

- Приходилось вам выступать с камерным репертуаром в России?

- Много раз, и меня прекрасно принимали. В особенности в Ленинграде, там замечательная публика.

- В телепередаче «Абсолютный слух» прозвучала редко исполняемая ария Левко из «Майской ночи» Римского-Корсакова. Видимо, она должна была напомнить о ранней роли Давида Ясоновича?

- В этой роли отец дебютировал в оперной студии Станиславского, где спел также Рудольфа в «Богеме», Самозванца и Германа. Свидетелем этих выступлений был замечательный музыкант Дмитрий Николаевич Шведов, композитор и дирижер. Впоследствии он стал профессором Тбилисской консерватории по классу камерного пения, очень сблизился с нашей семьей и всегда с восхищением вспоминал о ранних триумфах Давида Ясоновича. После моего рождения отцу пришлось покинуть студию Станиславского. Он уехал в Тбилиси, а, вернувшись в Москву, стал солистом Большого театра. У меня как драгоценная реликвия хранится портрет Константина Сергеевича с надписью: «Милому «изменнику» Датико Андгуладзе от любящего его Станиславского».

- Вы спели немало партий в грузинской опере. Кто из ее героев вам особенно близок?

- Малхаз в «Даиси». А из романсов любил исполнять

«Орвелу» Мшвелидзе и «Июльское солнце» из цикла О.Тактакишвили на стихи Галактиона Табидзе.

- Известно о вашем категорическом неприятии музыки композиторов-веристов. Неужели из всех персонажей опер Пуччини, Леонковалло, Масканы вы признаете только Турриду?

- Это ностальгия по бельканто, разрушение которого принес веризм. Композиторы-веристы слишком возвеличили значение слова. К чему это привело? Звучащее слово, если не поглотило, то сильно оттеснило подтекст, который негласно сопутствует мелодии виртуозных пассажей; это негативно отразилось на музыкальном тексте, обедняя его выразительность. Конечно, у веристов встречаются великолепные страницы и целые оперы из таких страниц, но они заражены бактериями реализма и натурализма, которые, по моему убеждению, несовместимы с таким тонким искусством, как музыка.

- Но ведь это итог длительного исторического процесса еще со времен реформы Глюка. Именно этот композитор объявил борьбу художественно необоснованным виртуозным приемам, из-за которых ранняя итальянская опера оказалась в состоянии кризиса, и которые были в его восприятии тем же, что для вас резко осуждаемый вами технизизм.

- У меня на этот счет несколько иное мнение. В последние годы я много занимаюсь антропологией слуха и утвердился в мысли, что ритм современной жизни с ее стремительным техническим прогрессом, ростом индустрии притупляет слух; мы стали больше видеть, чем слышать, вопреки природе человеческого организма – ведь человек прежде всего субъект слышащий. Я солидарен с теми, кто считает, что наступил апокалипсис слуха (французский философ Жак Деррида подводит под этот процесс «апокалипсис тональностей»). Люди глухнут от лязга городского транспорта, угар выхлопных газов тормозит восприятие, а, соответственно, и возможность его оценки. Обратите внимание: когда двое спорят, они обычно друг друга не слушают. И это не только невоспитанность, это бескультурье, спровоцированное глухотой. Теряется феномен человечности, а вместе с ним уходит музыка – ведь ее слышат, а не видят. Мы находимся на грани антропологической катастрофы, и чтобы уберечься от нее, нужно спасать слух.

- Слушая вас, я вспомнила Тбилиси моего детства с присущим ему культом оперной музыки. Тогда неправильно, почти неприлично было сказать «Иду смотреть оперу», считалось, что оперу слушают. А теперь о главном. Тревожащие вас приметы времени не вяжутся в моем представлении с веризмом. Ведь главный показатель этого направления и в литературе, и в музыке волнующая человечность, которой обычно наделялись участники сюжета.

- Да, но у веристов человек примитивен. Он перестал быть возвышенным, это кровь с песком, хотя с эмоционально-экспрессивной стороны он продолжает вызывать интерес.

- В своих выступлениях об исполнительском мастер-

С Еленой Черней. «Кармен». 1959

стве вы часто возвращаетесь к вопросу о значении для певца освоения «головного регистра». По вашему убеждению, владение этой техникой имеет решающее значение для становления высоких голосов, а для низких?

- Да, это излюбленная тема моих устных выступлений и сквозная для научных работ. Понятие «головной регистр» утвердилось со становлением бельканто в практике обладательниц высокого сопрано, а, главное, певцов-кастратов. Они такими голосами пели, и, дай бог, как пели! Практика низких голосов имеет другую основу, «головной регистр» здесь присутствует в виде отдельных элементов. С начала XIX века культура «головного регистра» перешла в романтическую школу великих теноров, которая сохранила для последующих поколений его эстетическое и техническое значение. В наше время искусством «головного регистра» блистательно владели такие великие итальянцы, как Джанни Раймонди, Лучано Паваротти, Альфредо Краус, Карло Бергонци. А у Давида Ясоновича владение «головным регистром» было заложено спонтанно, оно шло от природы гурийского хорового пения со знаменитым криманчули. Это верхний голос, как бы «изогнутый фальцет», несравненный по своей виртуозности. По традиции он исполнялся «головным регистром», но, к великому сожалению, эта эпоха подошла к концу, и теперь криманчули поют фальцетом. А человек рождается с головным регистром - у младенца другого голоса нет, остальные регистры формируются позже. Если хотим сохранить молодость вокального искусства, мы должны принципиально воспитывать в учениках культуру «головного регистра».

- Приходится встречать среди профессионалов стремление остановить процесс искажения уникального пения криманчули, вернуть его к исконным традициям?

- К сожалению, очень редко.

- Как воплощаются ваши методики в работе кафедры, которой вы руководите?

- Во-первых, там преподают мои ученики - Гулико Кариаули, Темур Гугушвили, Эльдар Гецадзе, Гоча Бержуашвили - это главная сила кафедры. Среди других я особенно ценю Тенгиза Мушкудиани за высокую музыкальную культуру и культуру вокального слуха.

- Кто из ваших выпускников выступает за рубежом?

время хорошо зарекомендовали себя представители молодого поколения. Среди них Армаз Дарашвили, солист Болонской оперы; ему сразу дали целый ряд спектаклей. С блеском сдали вступительные экзамены в Озимскую академию брата Абуладзе (баритон Гоча и тенор Ушанги); об этом нам сообщила из Италии Алла Симонишвили - выпускница нашей консерватории по классу вокала, она преподает в этом учебном заведении. А на днях стало известно, что Гоча Абуладзе победил на международном конкурсе в Ферраре, и его пригласили в оперный театр на роль Жоржа Жермона в «Травиате». Моего магистранта Мишу Кирия прослушал французский импресарио увез в Париж. Там ему предсказали большое будущее, и тот же импресарио решил весной показать Мишу в Метрополитен-опера.

- Сейчас много говорят о реформах в преподавании. Как вы относитесь к внедрению в консерваторию тенденций болонского учебного процесса?

- Очень плохо. Удручают теоретические дисциплины, особенно музлитература. Мыслимо ли втиснуть курс истории музыки в два семестра, а потом заниматься только XX веком и современными композиторами? Какие специалисты выйдут от такой учебы? Они будут глухими! Приущая болонской школе универсализация, иными словами стандартизация, направленная на обезличивание, стирание индивидуальности, может привести к самым печальным результатам. Другую опасность представляет неразборчивое приобщение к современной музыке. Я солидарен с российским философом А.С.Арсеньевым, который считает, что современные композиторы больше пишут друг для друга, чем для публики; как будто занимаются шахматной игрой, человек за этим не стоит. Как-то в Италии я приобрел сборник статей по музыкальной психологии. Приведу выдержку из предисловия: «Всякое произведение искусства дышит. Современная музыка тоже дышит, но ей не хватает кислорода». То есть, не хватает жизненных сил. А там, где нет жизненных сил, может быть музыка? Музыка, по определению французского философа Эдгара Морена, работами которого я сейчас занимаюсь, это язык человеческого духа. А духовность в опасности - вот с чем надо бороться!

- Что вы скажете о работе оперной студии?

- Она почти закрыта. Я много боролся, отстаивая право на ее существование, мой единомышленник Нодар Джапаридзе, руководитель студии и главный режиссер, окончательно подорвав здоровье, кончил жизнь во время репетиции, но ничего не изменилось.

- Мне кажется, угроза над оперной студией нависла уже тогда, когда на сцене Большого зала консерватории появился орган, и она перестала отвечать требованиям спектакля.

- Все дело в том, что орган стоит не на своем месте; он слишком выдвинут вперед, оставляя за собой неиспользованное пространство. На этом в свое время настояли композиторы из числа тех, которые способны видеть в вокалистах лишь исполнителей собственных сочинений. Дело дошло до того, что в марте мы должны ограничиться показом на сцене только двух актов из готовящейся к постановке «Свадьбы Фигаро» Моцарта; для других спектаклей зала не будет. Студенты могут показывать себя только в камерных концертах, которые должны проводиться с максимальной интенсивностью. Из числа подобных мероприятий за последнее время по-настоящему замечательными были два сольных концерта. Один из них включал произведения Отара Тактакишвили; другой - романсы европейских и русских композиторов, его второе отделение было полностью отдано вокальной лирике Чайковского. Концерты провел профессор кафедры концертмейстерского мастерства Важа Чачава с моими студентами Мамукой Манджгаладзе и Гочей Абуладзе.

Мария КИРАКОВА

Шуйский. «Борис Годунов». 1984

С Еленой Вилкович. «Трубадур». 1963

- Мои ученики рассеяны по всему миру - Ладо Атанели, признанный как баритон века; Лиза Мартиросян, Нугзар Гамгбели, Гия Ониани, Мишеллина Кобалиани, Рамаз Чакветадзе, Заза Заалишвили, Медея Наморадзе, Инга Липсая. В наши дни не принято связывать себя с одной сценой; откликаясь на приглашения, они выступают по контрактам в самых известных театрах. За последнее

Дэви Стуруа

МЫ ПУБЛИКУЕМ РАССКАЗ ДЭВИ СТУРУА (1931-2001), ВИДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПИСАТЕЛЯ И ПУБЛИЦИСТА.

ИМАЛИ

Впервые я увидел его в подмосковном центре, в июне 1991 года...

Туда я попал после болезни. Болезнь моя была коварной, цепкой, с норовом – большая любительница подавлять волю своей жертвы. Но и я ей попался не из тех, которого можно свалить вот так, просто, одним напором, лобовой атакой. Скрипел я зубами, но держал оборону. Помучили мы друг друга как следует с месяца, и поняла она, наконец, что со мной каши не сварить и, не помахав рукой на прощанье, уползла восвояси. Был поздний вечер, и я сидел один у телевизора в холле маленькой, уютной больницы в центре Москвы. И когда ко мне подошла старенькая медсестра, называвшая всех больных голубчиками», и попросила меня пройти в палату, я поднялся и вдруг почувствовал что смылась моя возлюбленная к чертовой бабушке. От радости обхватил я медсестру – старушенцию за талию и провальсировал с ней раза три по всему холлу, а потом зашел

в свою палату, бухнулся на койку и проспал до вечера следующего дня.

Врачи сразу же подтвердили, что «теперь мы в полном порядке», но что не мешало бы после месячной баталии с болезнью недели две провести в реабилитационном центре, привести дух и тело в соответствующий порядок.

Так попал я в этот центр, где впервые увидел моего Имали. Он отличался от всех обитателей этого престижного (о, это проклятое слово!) заведения, который по существу был санаторием или домом отдыха. Большинство «реабилитируемых» разгуливало важно в своих там «адидасах», «пумах» и черт еще знает в чем.

А этот смуглый юноша среднего роста, широкоплечий, узкий в тазу шел по длинному коридору центра, не спеша, не размахивая руками, как бы на носках. На нем была черная косоворотка и черные же брюки. Он мне напоминал подраненного сокола, который еще не решил — взлететь ему или выждать, пока рана не перестанет кровоточить. На фоне «адидасов» и «пум» он выглядел одиноким, чужаком. Я не сомневался, что он горец, скорее всего с Северного Кавказа, и мне очень захотелось познакомиться с ним, разговориться, ибо, что могут поведать «адидасы» и «пумы», я знал заранее.

Его острый взор тоже подметил, что и я не принадлежу к «адидасово-пумовой» касте (я был в светло-серой водолазке и обычных брюках), и, словно получив мой сигнал с желанием познакомиться, он тоже медленно, как бы на носках, подошел ко мне, сидящему на кожаной «тройке» и тихим, чуть хрипловатым голосом сказал: „Здравствуй, отец, можно, я присяду с тобой“. Я жестом предложил сесть и пожал ему руку. Акцент у него был не очень сильный, как у большинства северокавказцев, а назвав меня отцом, и избрав форму обращения „ты“, он тем самым предложил мне дружбу и близость, и я сразу же понял это. К тому же, это слово „отец“ вызвало во мне какое-то новое, неиспытанное чувство. Своих детей, двух мальчиков, я растил и холлил, наравне с матерью, быть может, потому они не испытывали ко мне „священного трепета“, давали разные забавные клички, даже внук — и тот придумывал какие-то диковинные прозвища, а здесь, в подмосковном санатории, я практически впервые услышал обращенное ко мне слово „отец“. И я вскоре убедился, что это — „ты“ и это — „отец“ — не просто слова.

Я представился буквально в двух словах. Он сделал небольшую паузу. Мне кажется, он хотел представиться подробнее, а краткость моей „объективки“ смутила его. Наконец он сказал: — Имали Ибрагимов, чеченец, живу под Грозным, 26 лет, занимаюсь сельским хозяйством... пауза, и с детской улыбкой: выращиваю арбузы, таких арбузов в Грузии нет, скоро сам убедишься в этом.

Мы часто гуляли по роскошному парку Центра и говорили обо всем, кроме своих болезней, хотя меня нередко подмывало узнать, чем мог болеть этот похожий на сокола чеченец с пружинистой походкой, твердым взглядом чуть раскосых светло-серых глаз — наверно, какая-нибудь операция или что-то в этом роде.

Имали сразу же дал понять всем обитателям Центра и врачам, и медперсоналу, и „адидасам“, и „пумам“, что его названный отец находится под его личным покровительством. Даже смешливая медсестра Таня, сделав мне укол, закатила глаза и шепнула мне на ухо: „Этот чертяка Ималь говорит мне, — отцу больно сделаешь,

не жить тебе на свете, только вы это ему не говорите Бога ради...“.

Я осторожно старался объяснить Имали, что его деятельная опека надо мной может нам обоим создать определенные проблемы, но чеченец только улыбался, показывая крупные белые зубы, презрительно шурил свои светло-серые, стальные глаза пулеметчика и цедил сквозь зубы: „Если что не так, они узнают, кто такой Имали Ибрагимов: ты, отец, не беспокойся“. Поразительней всего было то, что Имали без особого усилия, каким-то чудесным образом, так вышколил чуть развязный медперсонал престижного центра, особенно по отношению к нашей чеченско-грузинской „связке“, что обслуживание чуть ли не превзошло европейские стандарты. Это я без шуток.

Во время множества процедур, которым я подвергался, Имали неизменно находился рядом, словно контролировал натасканных медсестер, которые косились на него с нескрываемой тревогой и многократно проверяли свои установки, не получает ли „отец“ этого грозного чеченца лишнюю порцию электричества или ультрафиолетовых лучей.

Чем я мог ответить на эту ничем мной не заслуженную трогательную заботу, которая перерастала постепенно в настоящую сыновью любовь? Имали был любознателен, и я много рассказывал ему из того, о чем знал из книг и из моего личного опыта. Особенно интересовали чеченца выдающиеся личности прошлого. Рассказывал я ему о Чингисхане, Александре Македонском, Юлии Цезаре, Спартаке, Наполеоне...

Имали, - спросил я его как-то, — читал ты повесть Льва Толстого „Хаджи-Мурат“? Чеченец ответил, что не читал. К счастью, в библиотеке центра имелось двадцатидвухтомное собрание сочинений Льва Толстого, и в четырнадцатом томе я нашел эту гениальную повесть — мое самое любимое произведение.

Имали, — сказал я ему, — давай я прочту тебе эту повесть, ты отлично говоришь по-русски, шибко грамотен, но разреши мне один раз прочесть тебе, а потом тебе самому захочется перечитать эту замечательную вещь. Имали кивнул в знак согласия.

Мы выбрали небольшой искусственный грот в конце парка, и я стал читать. Не было в мире лучшего слушателя, чем мой Имали. На его смуглом, чуть суровом лице отражалось буквально все, что поведал Толстой в этом своем позднем шедевре. Убийственная характеристика, данная в повести Николаю I и графу Воронцову, веселила чеченца. — Так, так, — потирая руки, ликовал Имали, — вот, сукины дети, и еще что-то на своем родном языке, напоминавшем клекот орла.

И вот я подошел к тому месту, когда изрешеченный пулями Хаджи-Мурат последний раз поднимается, ухватившись за дерево, а затем, как подкошенный, падает на землю.

- Погоди, погоди, отец, — вдруг прервал меня Имали. Его трудно было узнать, лицо перекошилось и стало чем-то напоминать точно описанного Толстым хаджимуратовского нукера чеченца Гамзало. Он тяжело дышал и шарил вокруг пояса руками, словно ища оружие, его светло-серые, стальные глаза пулеметчика словно высматривали находящегося вблизи врага, он что-то говорил, точнее, хрипел на своем языке, потом неожиданно повернулся ко мне и прокричал: - Нет, нет, этого не может быть! И зарыдал. Я не стал успокаивать его. Спустя минуту он пришел в

себя, посмотрел на меня как-то странно, а потом спросил: отец, почему ты прочитал мне все это?

Что я мог ответить?

Через некоторое время Имали задал еще один вопрос:

- Отец, Толстой русский, а он ненавидит Николая и Воронцова, а любит горца Хаджи-Мурата, скажи, почему?

Я, как мог, объяснил этот феномен моему чеченцу, сказал, что есть одна, высшая, конечно же, Божеская правда, что надо любить добро и ненавидеть зло, что у негодяев и подонков нет нации, а хорошие, честные и чистые люди, избравшие путь добра, созидания и любви, принадлежат не только своей нации, но и всему миру. Толстой — человек мира, совесть мира, потому он имеет право писать так, как он пишет.

-Ты же назвал меня, незнакомого тебе человека, отцом, и я угадал твое любящее сердце и полюбил тебя, как родного сына, все люди должны когда-нибудь понять, что они одного рода и племени и что они созданы для любви и счастья.

Имали молчал, думая о чем-то своем, потом попросил у меня том с „Хаджи-Муратом” и своим обычным пружинистым шагом направился к зданию. За этим последовали баталии с заведующей библиотекой. Имали решительно отказался возвращать этот четырнадцатый том. Пришлось по телефону связаться со своими друзьями в Москве, и вскоре я получил отдельно изданную иллюстрированную повесть Толстого „Хаджи-Мурат”.

- Надпиши, - попросил меня Имали, когда я подарил ему книгу.

- Неудобно, я ведь не автор этой повести, - засмеялся я, - но и у меня есть две-три книжки, пришлю я их тебе в Грозный с надписями.

- Нет, отец, подпиши эту.

Ну и подписал я ему по всем правилам. Я не буду описывать наше расставание. Ни к чему...

Когда я вернулся домой, Грузия кипела, надвигались грозные, трагические события, вылившиеся впоследствии в гражданскую войну и хаос. Я потерял связь с Имали, который должен был приехать ко мне со своими арбузами в октябре месяце. Конечно, Имали знал, что происходит в Грузии, и не мог приехать.

Наступил декабрь 1994 года...

Я не хочу давать никаких политических и нравственных оценок происходящему на наших глазах, вернее, не хочу вот именно сейчас писать об этом.

Я думаю сейчас о тебе, Имали Ибрагимов, которому исполнилось совсем недавно 30 лет. Меня совсем не интересует то, по которую сторону баррикад находишься ты, человек мирной профессии. Передо мной твой облик, такой, каким я увидел тебя в первый раз в холле подмосковного престижного реабилитационного центра. Ты шел не спеша, словно на носках, плотно прижав руки к торсу, напоминая готового взлететь сокола. Я вижу твои светло-серые стальные глаза пулеметчика, и мне становится страшно - может, на твоих сильных, ловких руках человеческая кровь? Может, ты побратался с автоматом Калашникова и иного выхода у тебя не было?

Знай, Имали, твой названный отец, как умеет, молится за тебя и Иисусу и Аллаху. Коротка эта молитва:

Боже, сохрани жизнь моему сыну Имали.

Дэви СТУРУА
1995 г.

И КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ?

Любовь Казарновская

Из разговора двух режиссеров, опытного и молодого: «Ты знаешь, что должен знать режиссер коммерческого театра?» - «Чем отличается система Станиславского от системы Михаила Чехова?» - «Нет, размер грузового люка ТУ-154, чтобы перевозить декорации на гастролях».

«И корабль плывет» - был когда-то такой знаменитый фильм Федерико Феллини. Элегантный, в ретро-интерьерах, с богатыми туалетами дам, с приглушенно-мягким светом вычурных плафонов в стиле модерн – завораживающее метафорическое действо. Философская притча о гибели культуры. В этом фильме ничего не происходило, только плыла группа дам и господ на роскошном корабле, а потом им путь преградил броненосец, и началась Первая мировая война.

Корабль в качестве модели окружающего мира избирали многие режиссеры, которые хотели поговорить о хрупкости нашего бытия, от Феллини до Кэмерона с его «Титаником». На протяжении нашей короткой жизни каждый испытал шок, когда было все, а потом ничего не осталось. А потом вновь начинало нарождаться новое, и как-то обустривалось, и вновь разбивалось вдребезги. Обеспеченные и успешные становились бедными, полуграмотные торговцы вмиг сколачивали состояния, без конца менялась стоимость денег. И больше думалось о хлебе насущном, о том, как накормить семью и не пострадать в результате очередных катаклизмов. О какой уж культуре тут было думать! Но все-таки даже в те холодные вечера, когда в целых районах не было электричества, театры не пустовали. Играли при керосиновых лампах и при свечах. И зрители сидели в зале, пусть в пальто и шапках. Зачем-то это людям было нужно. И тогда была робкая надежда на то, что корабль нашей культуры и дальше будет плыть.

Прошло еще несколько лет, и снова, казалось, все стало обустриваться. И быт налажился, но что-то странное стало твориться с театрами драматическими и музыкальными, с филармониями, куда-то стала катастрофически утекать хорошая музыка. Только ревели автомобильные радиоприемники с шансоном из привокзальных маршруток. В театры ходить стало не модно, как ни пытались завлекать ультраавангардными сценическими решениями отчаявшиеся режиссеры. И добро бы так было только в наших, пострадавших от исторических катаклизмов, странах. Та же тенденция наблюдается и во вполне благоустроенных центрах европейской цивилизации. Как-то не так плывет корабль, больно «рыскает носом»... Мне доводилось читать мнение очень уважаемых мудрецов о кризисе классической музыки, о том, как она исчезла из повседневного быта. Они договорились до того, что во всем-де виновата грампластинка – неважно, в форме ли старинных пластинок или современных DVD-дисков. То есть, мы, слыша идеальное исполнение виртуозов в записи, не желаем больше знать никого другого, менее умелого. А раньше в домашних салонах играли на фортепьяно, составляли любительские струнные трио или квартеты, и это считалось правилом хорошего тона. Теперь же просто нажми кнопку – и услышишь совершенное, просто идеальное исполнение, да такое, что стыдно будет попробовать повторить. Вот с футболом почему-то такого не произошло; хоть мы и видим на экранах кудесников мяча из Испании или Бразилии, а мальчишки все равно продолжают пинать мяч во дворах – умело или неумело. Неправы мудрецы. Нет объяснения, почему корабль плывет как-то не так.

В таких невеселых размышлениях об истории театрального, драматического и музыкального искусства сидел я поздним вечером, и захотелось мне об этом порассуждать вместе с умным и опытным человеком. Я нажал

на пресловутую кнопку компьютера – ох уж эта техника! – и в мгновение ока на экране появилось лицо красивой женщины, сидящей напротив в полутемной комнате за несколько тысяч километров от меня, которая певуче-бархатистым голосом произнесла: «Здравствуй, дорогой! Как вы там в вашем Тбилиси?» Честное слово, я просто гордился гением человечества, который позволил мне за какие-то пять секунд воочию увидеть и услышать великолепную оперную Диву – всемирно известную Любовь Казарновскую, последнюю музу крупнейшего дирижера XX века Герберта фон Караяна.

Я сбивчиво и горячо заговорил. Высказал свои соображения о неизбежном крахе существующих театральных форм, о потере ориентиров у публики и потере позиции самих творцов, о том, что театральное искусство превратилось в спорт, соревнование пустых оригинальностей, о том, что репертуарные театры без дотаций обречены и прочих грустных вещах. Поверьте, с ней об этом разговаривать можно! Она умный и глубокий человек, который понимает все практически с полуслова. Она улыбнулась и куда-то в сторону произнесла: «Роберт, твой тезка желает говорить о музыке и высоких материях». За ее плечом появился сам герр Росцик, худощавый интересный блондин и приветливо помахал мне рукой. Он произнес с милым венским акцентом на очень хорошем русском: «Чем кому-то снова не угодила наша бедная опера? Предупреждаю, мы ее в обиду не дадим!»

«Да уж, уважаемые, давайте, защищайте свой жанр». – «Это официальное интервью?» – «Считайте, что так». Любовь Юрьевна вздохнула и сказала-пропела из «Евгения Онегина»: «Ну что ж, начнем, пожалуй...»

- Значит, поговорим «о высоких материях». С чего начнем? Может быть, на личном примере?..

- Меня в качестве примера ты не бери, я в нашей профессии – человек нетипичный. В моей жизни и в юности не было ни неблагополучной семьи, ни дурных компаний, ни маргинального времяпровождения. Я – опрятная девочка из приличного дома: мама – филолог, папа – генерал...

... и в качестве «крестного отца» в музыке – сам Герберт фон Караян! Получается просто «Он был титулярный советник, она – генеральская дочь»...

- Вот-вот, прямо как из романа Даргомыжского.

- Не слишком ли все удачно получается?

- Да, представь себе. Мне действительно повезло. Никаких десятков браков-разводов, никаких сильно назойливых режиссеров и поклонников-олигархов, все нормально и благопристойно. Любимый муж, любимый сын, минимум тусовок. И дом теплый и уютный. А профессия, между прочим – это совершенно дикий труд, постоянный, многочасовой – как у станка – и сумасшедшая дисциплина. Невзирая на общепрофессиональный актерско-беспечный вид. Это, мил-любезный друг, как конвейер – настоящая индустрия, со своими цехами, конструкторскими бюро и очень строгим ОТК – отделом технического контроля.

Она слегка прислонилась плечом к Роберту Росцику:

- Правда, дорогой? Ты – мой ОТК, самый строгий...

Мне вспомнилось, как мы познакомились с Робертом. После удачного совместного ток-шоу на одном столичном телеканале, я был приглашен самой Дивой на очередную запись ее передачи «Романтика романса». И, как водится, чуточку опоздал к началу – московские пробки. Расположился я в самом конце зала, в проходе. Любовь Юрьевна мило и обаятельно рассказывала о творчестве Глинки. Зал внимал. По другую сторону прохода стоял элегантный, стильный блондин средних лет. И в тот момент, когда ведущая на сцене подвела итог очередного раздела, мы с ним, не сговариваясь, громко и заразительно зааплодировали. Зал подхватил и устроил небольшую овацию. А мы переглянулись через проход, улыбнулись друг другу, и, синхронно указав друг на друга,

спросили одними губами: «Роберт?» После чего немедленно отправились за кулисы продолжать знакомство. Позднее на улице Любовь Юрьевна взяла нас обоих под руки и заявила, что теперь, оказавшись между тезками с редким именем, смело может загадывать желание...

Мне Роберт Росцик очень нравится. Он – настоящий интеллект, полиглот, свободно читающий на самых разных языках (как минимум, на пяти, насколько мне известно). Профессия у него сложнейшая – он оперный импресарио. Как правило, это довольно прохладные и очень жесткие люди. Они и не должны быть другими, ибо в их руках находится карьера оперных певцов, которые, будучи людьми талантливыми, редко отличаются покладистым характером. Опытный импресарио должен ухитриться, не подавляя своего подопечного, все-таки не позволять тому совершать необдуманных поступков. Как ни удивительно, но Роберт, помогая своей жене, не является ее импресарио. Он мне как-то объяснил: «Это невозможно. Я не могу предлагать свою жену и говорить по телефону об ее таланте и гениальности. Меня не поймут, и я потеряю лицо. В мире оперных импресарио это строго – никакой семейственности!». Ему действительно было очень тяжело заниматься своим призванием и одновременно быть мужем знаменитой оперной певицы, у которой контракты по всему миру и вся жизнь на сцене и в самолетах. И все-таки он – настоящий глава семьи, за ним и жена, и сын Андрей как за каменной стеной.

Давайте начинать. Я, как настоящая «акула пера», задаю первый же вопрос немножко «под дых»: не кажется ли вам, что эти новомодные и авангардные спектакли с их стрельбой, полетами под куполом цирка и полуголыми певицами уж слишком одинаковые, невзирая на оголтелое стремление быть оригинальными?

- Раньше такие театры как Метрополитен-опера, Ла Скала, Венская опера, Ковент-Гарден, Парижская опера заботились о традициях, об уникальной, замечательной сценической эстетике. В этих театрах была одна радость

С супругом Робертом Росциком

выступать. Сейчас все эти театры унифицированы, какой-то большой Евросоюз без лица и без идентификации своих спектаклей. Все везде одинаково. Ты прав...

- Что, неужели не достаточно новаторства в современном искусстве?

- О, предостаточно! Опера, к сожалению, идет на поводу у медийных продюсеров, недостаточно воспитанных на классике, и, в итоге, превращается в какое-то уродливое дитя. Чего стоит, например, Аида в арафатке, перелезающая через забор с автоматом! Запад экспериментирует уже очень давно, а сейчас все эти попытки неудачного новаторства начались и в России тоже. Но личность оперного певца оказалась на втором плане, на-

полнение исчезло, а обертка приобрела значимость небывалую. Режиссерам нужна не человеческая эмоция, а шоу. Продуманные оперные спектакли теперь редкость, высокоэстетичные спектакли – редкость... В принципе, я хорошо отношусь к новаторству, но не к тому, которое основано на самопиаре. А время таково, что умелые «дядьки» от искусства – директора театров, импресарио и сами исполнители все время заняты бизнес-вопросами. Сегодня выбирают исполнителей по принципам раскрутки. Они рекламируют все: от часов до трусов, и менеджеры считают, что такие исполнители привлекут публику. Сегодня, может быть, действительно привлекут, а завтра – нет. И уже сегодня классические музыканты – это отнюдь не то же самое, что сто лет назад, когда они были небожителями. Да и даже в те времена, когда я была совсем юной, на концертах живых классиков – Рихтера, Когана – творилось черти-что, а мы – студенты, сидели на лесенках и ловили каждый звук. А сегодня недостаточно быть классическим музыкантом – надо еще и иметь импресарио, директоров, продюсеров и собственные когти вдобавок.

- Сегодня привлекает то, что идет по телевидению, то, что интенсивно рекламируется. Это и гламурная попса, и тяжелый рок. Это беда современности или ее лицо?

- Какая разница – так есть, так уже сложилось, и примем это, как данность! Я за то, чтобы все в этом мире мирно сосуществовало. Сама люблю, между прочим, по-

петь с эстрадниками или рокерами. Но проблема нашего общества в том, что благодаря федеральным каналам, радиостанциям, Интернету акцент сделан на попсе, на роке, на чем угодно кроме классической музыки. И не рок плох, и не гламурная попса, а отсутствие альтернативы. Ребенок может не полюбить Моцарта и Чайковского, но он должен иметь возможность хотя бы познакомиться с их произведениями. Откуда он будет знать, что это хорошо? Откуда он будет знать о вкусной еде, если всю жизнь питался только и только в Макдональдсе? У любви к классической музыке есть свои корни – они в школе и в семье. Я призываю всех родителей не лишать своих деток возможности приобщиться к прекрасному.

- Да, коммерческое радио, телевидение – все это имеет право на существование, пусть зарабатывают. И как бы хорошо было, если бы они отдавали свою десятину. Как в Средневековье – каждый десятый рубль надобно отдать на богоугодные дела. Но может, есть и другие проблемы помимо коммерциализации? Может быть, отношение молодежи к классике испортил снобизм самих классиков?

- Действительно, существует все – и снобизм классических исполнителей, и «подача сверху», и высокопарные разговоры. Они надменно выносят себя в концертный зал, так же надменно раскланиваются... В таком зале вскоре будут сидеть только две какие-нибудь задрыги-бабушки, которые говорят: «При Вагнере мне хорошо...» А к публике нужно выходить честно и открыто – с любовью. Людям это нравится. Было бы идеально, если бы так называемые художественные советы больших залов пропагандировали артистов, которые будят эмоцию зрителя. Эта профессия требует постоянного эмоционального включения. Ты на виду, ты вынужден оправдывать ожидания тех, кто смотрит на тебя. Не имеешь права быть все время одинаковым – от роли к роли ты вынужден меняться, и особенно у нас. У нас есть одно важное отличие. На западе достаточно завоевать публику единожды. Это брендовые вещи. Это то, за что они платят деньги, как в хорошем ресторане: уплатил – ешь. У нас публика не такая. С ней необходимо разговаривать языком сердца.

- Можно ли сказать о Любви Казарновской, что «звезды живут высоко?»

- Когда как. По земле я предпочитаю ходить пешком – живем в центре, и машина в семье не нужна – да и не пушу я Роберта на московские дороги с их бешеным движением. Люблю, знаешь, прогуляться с любимым мужем «под ручку». Надеваешь очки побольше да потемнее, и кто меня в джинсах узнает? Привыкли видеть все больше в концертных нарядах. Иногда узнают в магазинах и удивляются – не верят глазам.

- А красивое имя Любовь кто выбрал?

- Бабушка. В нашей семье были все – Вера, Надежда, София. И не хватало только Любви. И бабушка моя сказала – ну как же мы без любви-то, когда уже есть все лучшие чувства? Мне мое имя сначала очень не нравилось. «Мама, почему меня не назвали какой-нибудь там Аделаидой?» - спрашивала я. А она говорила: «Дурочка ты моя, ты не понимаешь, что с этим именем связано все самое-самое лучшее». И вокруг меня действительно существует какая-то аура любви – то ли я ее создаю, то ли имя помогает, но я к людям всегда иду с открытым душевным забралом. И они отвечают тем же, даже если сначала настроены несколько осторожно.

- Будни оперной певицы – каковы они?

- С начала 90-х, когда открылся «железный занавес», певцы на Запад хлынули необъятной волной. Чтобы выстоять перед этой волной, нужно держаться, бороться за каждый свой день на сцене. А вокруг каждого певца – менеджеры, продюсеры. У каждого продюсера свой длинный список певцов, они их выдвигают, представляют, подают на блюде. Идут гонки на опережение, начинающие соревнуются со звездами, и постоянно необходимо

Встреча с друзьями

С Анитой Цой

доказывать делом, что ты стоишь своего места на вершине. Постоянное нервное напряжение, конечно, делает профессию довольно сволочной и очень, очень сложной. Да и без того мы каждый день как под Дамокловым мечом. Сколько бывало случаев, когда ты с температурой под 40, бронхитом, трахеитом ожидаешь своего выхода на сцену. А рядом так же нетерпеливо ожидают твои дублеры. Их по три-четыре человека на партии в серьезных театрах, они только и ждут, что произойдет какой-то срыв, и впрыгивают в спектакль. Я хорошо помню один замечательный случай. Есть такая знаменитая певица – Катя Ричарелли – примадонна театра Ла Скала. Дирижер как-то раз пожалел ее – она ужасно себя чувствовала, пела вполголоса - и предложил: «мадам Ричарелли, мы сейчас выпустим вашу дублершу на репетиции, а вы поберегите голос до премьеры». Так вот, она тут же резко выздоровела. Вколола в себя какие-то уколы, проглотила кучу таблеток и все-таки вышла на генеральную, потому что понимала: если дублерша окажется лучше нее на репетиции, дирижер может снять ее с премьеры. А это конец профессиональной репутации – «Акела промахнулся!». Знаете, как назло, за день до премьеры все артисты хора страдают болезнями. Все тебя обчихивают и откашливают, а после всего этого ты должна выходить на сцену, и пресса должна говорить – «Как это звучало!» Хотя это не худшее... Однажды я вхожу в свою грим-уборную, стоит на столе чай. Я потянулась к нему, и тут гримерша хлопает меня по руке и тихонечко говорит: «Не трогать!» Я спрашиваю: «Почему?» - «Потому, что этот чай налила девушка, которая не очень хочет, чтобы ты сегодня пела в Большом Театре». Это здесь, на родине... Хотя, и за рубежом тоже не все гладко. Но там все осторожничают – побаиваются. Максимум, что происходило за границей – это, когда одна достаточно известная певица в Метрополитен перед каждым спектаклем приходила в мою гримерку, загримированная и в полном костюме, выжидательно на меня смотрела и спрашивала: «Как вы себя чувствуете?» Всегда, перед каждым выходом. Но не более того, у них за плохое поведение быстро отведут за ушко, да на солнышко... И все равно, жить за рубежом, не имея возможности творить здесь – это не мой путь.

- Кстати, а как произошло знакомство с Гербертом фон Караяном? Ведь все по большому счету началось с него?

- Да. Без этой встречи в моей заграничной карьере, наверное, все было бы немного сложнее. На мое прослушивание в Венской опере пришел режиссер, который ставил в Зальцбурге вместе с Караяном «Дон Жуана». И он тут же бежит к Роберту и обещает позвонить по поводу меня самому фон Караяну. Потом мне говорили: «Ты бы видела свое лицо!» Я скроила такую гримасу – мол, как же, бросит сейчас Караян все дела и будет слушать Любу Казарновскую. Но ровно через три дня у нас раздался звонок...

Я боялась ехать, Караяну петь – это все равно, что Господу Богу. Его называют генеральным музидиректором всего мира. Но Роберт твердо сказал: «нет, ты поедешь, такой случай бывает только раз в жизни». И мы поехали из Вены в Зальцбург. Просто не могу передать, с какими чувствами я вышла на сцену. Спела. Он говорит: «Очень хорошо, спуститесь ко мне в зал». Я была как во сне, отправилась почему-то не через режиссерский мостик над оркестровой ямой, а куда-то за сцену и стала бродить по залу – а зал был немерянных размеров. Плутаю и думаю: «Что он обо мне подумает? Скажет: певица ты хорошая, но с головкой не все в порядке». Наконец добрела до него ни жива, ни мертва. Он посмотрел на меня внимательно и спросил: «Как вы относитесь к «Реквиему» Верди?» Я отвечаю: «Маэстро, это одно из моих любимых произведений». Тут он мне и говорит: «Очень хорошо, вы этим летом будете это петь». Мне показалось, что я потеряла сознание...

К сожалению, вскоре после того, всего через несколько месяцев, он скончался. Мы мало вместе поработали. Но он успел позвонить всем - Риккардо Мути, Шолти, Клаудио Аббадо... И для меня открылись все первые оперные театры мира.

- А как случилось, что вы с мужем уехали в 90-х?

- Это все прелести нашей бюрократии. Я не хотела уезжать. Мы с Робертом изначально собирались пожениться в Петербурге. Роберт собрал толстенную пачку документов – там было все: переводы паспортов, свидетельства о рождении, где учился, с кем женился и прочая-прочая-прочая – всего не перечислишь. И вот, мы пришли в ОВИР. Там сидела внушительная дама с высоченным начесом и перегидроленными волосами. Она неспешно все это перебрала и спросила: «А виза у вас какая?» И оказалось, что вначале я должна пригласить жениха на подачу заявления по специальной визе, потом он должен уехать, а потом я вновь должна пригласить его по визе уже для заключения брака. Роберт вежливо так спросил: «Ну и сколько мы должны вот так вот кататься туда-сюда?» Оказалось – от полугода до года. И тогда Роберт сказал: «спасибо большое», забрал документы, и мы решили сделать это в Вене. То есть, меня, фактически, подтолкнули к тому, чтобы я уехала, хотя изначально я совершенно никуда не собиралась.

Ну, вот свершилось – Любовь Казарновская после десятилетия триумфального шествия по мировым оперным сценам уже несколько лет живет на родине. И здесь «покой только снится». Проект за проектом, но в постоянной театральной труппе осесть не хочет, только российские и зарубежные контракты. А дальше что? Телевидение, кино или ангажементные спектакли?

- Я хочу создать ангажементную труппу. Есть очень хорошие молодые ребята. Жалко, могут затоптать. Или от безнадёги перебегут в другой жанр. Буду ставить для них спектакли. Классные, красивые, где не придется поновомодному певицам танцевать канкан топless. А Роберт собирается организовать певческий конкурс для молодежи, первые туры которого будут проходить в интернете. Я финал в каком-нибудь приличном зале. Благо, у нас есть связи во всем мире. И вы – пресса поможет. Ведь поможете?

- Конечно, поможем. Это ведь не моющие средства рекламировать? Культура, как-никак...

Но тут на этой благостной ноте вселенской любви и сдержанного энтузиазма вмешался Роберт Росцик:

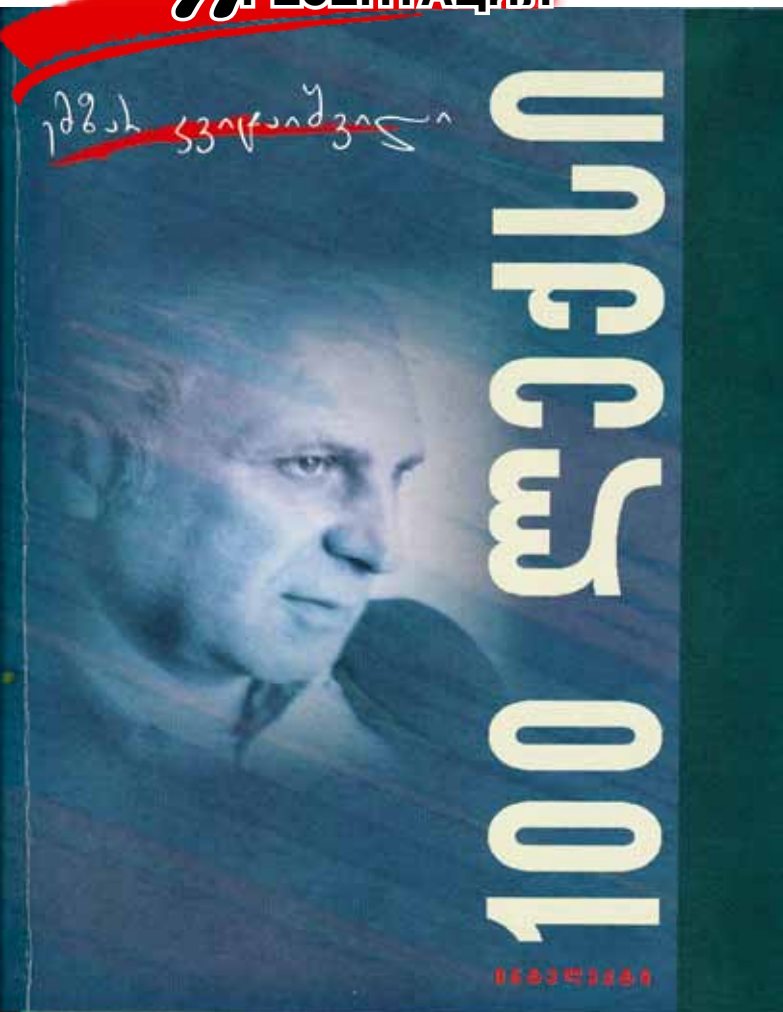
«Однако мне кажется, что мы так и не ответили на вопросы о новом культурном мироустройстве. Или все-таки ответили?»

- Не ответили, конечно! Я так думаю, что ответов в ближайшее время и не найти. Уж тема какая-то слишком сложная, и все так неоднозначно... Но почему-то мне стало легче... Ответьте, хотя бы на вопрос: «И корабль плывет?»

- Плывет, конечно. Куда он денется. Правда, плывет пока в тумане. И громко гудит в трубу, чтобы ни с кем не столкнуться. А оперу еще пока хоронить рано, и музыку классическую рано – просто мы немножко задержались в эпохе перемен. А они наступят. К радости и любви!..

Л.Казарновская

СЛЕЗНАЯ ПЕСНЯ

В серии «Грузинская поэзия» издательством «Интеллект» выпущен сборник «100 стихотворений» Эмзара Квитаишвили (Тбилиси, 2011).

В одном из прекрасных стихотворений Эмзара Квитаишвили, которое называется «Страсти весны», пробуждение природы описывается в довольно необычном аспекте: вместо белоснежного цветения вишневых деревьев по склону желтеет пена, воздух пронизывает треск ломающегося льда, «зеленый меч» весны безжалостно крушит увядающую отцветшую красоту и наполняет сердце поэта сожалением и печалью.

Тональность лирики Эмзара Квитаишвили определяет именно эта постоянная вездесущая печаль. Она большее, нежели результат личной трагедии или даже жалоба на преходящность этого мира – печаль как глубинное чувство мировосприятия творца. Потому даже в солнечных пейзажах поэта играют краски преломленного в слезах луча.

Поэт страстно любит мир, его свежесть, многокрасочность, голоса и аромат. В богатой осенними мотивами грузинской поэзии несомненно существует и осень Эмзара Квитаишвили – нежнейшая встреча наслаждения земной красотой и сопутствующей боли. В его стихах простираются увиденные глазом живописца поля, пестреющие всевозможными красками, радуют взор

красота вспыхнувшего на склонах кожевенного дерева, кроваво-красные гранаты, желто-красные персики и ярко-желтая листва. Поэта, любующегося этой яркой красотой, охватывает желание преклонить колени и молиться.

«Ты, Создатель, бесчисленное количество раз заставлял меня любить этот мир, и ни во что не ставь, если я, кроме этой земли что-нибудь пожелаю». Эти строки по своему эмоционально-интонационному звучанию, к сожалению, трудно передаваемому в переводе, стоят рядом с «Молениями» Давида Гурамишвили.

Основа существования – красота мира, как противовес тоске – будто бы найдена, однако праздникам жизни в поэзии Эмзара Квитаишвили постоянно сопутствует неизменный персонаж – одиночество. Даже одетые в пестрые наряды осени, оно отрезвляет поэта от волшебства сновидений и увлекает в иные пределы.

Одиночество пробуждает подсознательные видения. Безграничность обрушивается на окна, стирается, исчезает межевой знак между «я» и «не я» и душа переживает мгновения соприкосновения с невидимым – сокрытым, мгновения – или терзания.

В интроспективной лирике Эмзара Квитаишвили главное все же самооценка грешного и кающегося субъекта. Даже в любовных стихах измученного рефлексией поэта преобладает мотив страдания. Обнажая душу, он порой может признаться в такой правде, которая характерна лишь для первозданно-наивного сознания:

«Я не смогу идти с сердцем старика,/ Не смогу и с кровью водянистой,/ Я боюсь остаться без тебя, / Боюсь все также твоей измены».

Адресат этих амбивалентных по содержанию строк – умершая любовь!

Эмзар Квитаишвили никогда не принадлежал к касте искушенных в «воспевании родины». Его поэтические тексты на эту тему – либо непосредственного соприкосновения с родными краями, либо идут из перживаний истории. Старый кражистый дуб, который стоит при Коджорской дороге, для поэта не просто и не только реально-физическое тело, дуб этот прочно связан с корнями, которые живут в глубине сознания народа: «Преклонился хмурый дуб,/ Сохнет на корню он,/ горит его растрескавшаяся кора,/ мошкара его одолевает...»

Здесь читатель ничего не поймет, если не объяснить, что есть старинная народная песня – «Мумли мухаса...», что значит «Мошкара одолевает дуб...», и под дубом подразумевается Грузия, а под мошкарой – многочисленные враги.

Звуковое инструментирование, как эхо души поэта, имитирует то ли хрип, то ли скрип и доносит до читателя чувство обреченности.

В пору «бедствия отчизны» рождается желание стать бесчувственным – обратиться в камень, желание, которое в то же время тайно вмещает в себя и надежду выстоять, выдержать, не сломаться.

В одном из стихотворений Эмзар Квитаишвили пишет: «Всюду следует за мной глаз Господний,/ туда пойду, сюда пойду.../ Я мучаюсь и с легкостью/ не забракуете мое изделие...» Стихотворение называется «Верноте ремеслу», и оно принадлежит поэту, который освоил опыт как классической, так и современной

поэзии, который великолепно знает возможности поэтического «техне». Не случайно, что «изделие» здесь упоминается в связи с «мучением», так как поэзия — ремесло мученическое. Лишь талант и мастерство создают такие строки: «На теле появляются ядовитые медные пятна». Это — флорентийские впечатления, навеянные созерцанием конной статуи Медичи. «Пятна меди» — это фиксация реальности, но когда появляется лексема «ядовитые», создается такой интеллектуально-эмоциональный сплав, который и вправду с легкостью не раскритикуешь.

И все же, как должен жить в нашей дисгармоничной действительности человек, очарованный красотой и мучимый экзистенциальной тоской?

Сердце поэта призывает нас к состраданию, но к состраданию всеобщему, не только человеку, но и всему существу. Это одновременно и ответ Важа Пшавела и интеллектуальная позиция причастившегося этике Альберта Швейцера.

Однажды Эмзар Квитаишвили сравнил поэта с раковинной, в одинокой камере которой рождается жемчужина.

Творчество поэта продолжается, так что из раковины вновь и вновь засветит окрашенный печалью луч.

Теймураз ДОИАШВИЛИ
Перевела Камила-Мариам КОРИНТЭЛИ

Георгий Цицишвили и Эмзар Квитаишвили .
1970

Э.Квитаишвили (второй ряд, слева) с грузинскими писателями. 1976

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ. СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Поначалу просто подумал,
А потом и вправду поверил,
Что последняя осень тает
И не будет уже другой.
Солнце падало, расплывалось,
А потом и вовсе исчезло —
Опрокинулся ковш огромный
На хребты обнаженных гор.
Прилетали иволги — крылья
Обмакнуть в золотой пучине...
Прежде тихий и неприметный,
До сих пор сидевший во тьме,
Скорпион под лопаткой ожил,
Знак его горел нестерпимо
На ветвистом стебле сосуда:
Догорала осень моя.
Не упомню поры прекрасней
И страшнее поры не видел.
В платье черном возле базара
Одиноко стояла старуха —
Шерстяные носки в руках.
Что мне было терять в тот вечер?
Я не встретил бы по дороге
Двух знакомых... Только и было —
Догорала осень моя.

Перевод Я.Гольцмана

Я амфора на берегу морском.
Откуда я — неведомая тайна.
Я точно тень с мерцающим зрачком,
Мозаику теней слезу случайно.
Я — тень, но солнцем я сотворена,
Я бесхребетна и ленива, словно
Я морю жизнь доверила сполна,
И на песке стою — сосуд греховный.
Как тишина, что небесам под стать,
Я призрачна, а призрак равнодушен.
И берег снится берегу опять.
Вода — черна. И свет на дне потушен.

Перевод Б.Авсаргаова

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Памяти Нодара Чхеидзе

Он не знает еще, что черед наступает,
Но томится предчувствием сильное тело.
Он по краешку жизни неспешно ступает.
Разбиваются волны, достигнув предела...
Сыплют нежной пылью мотыльковые стаи
На столбы и колонны. Приблизясь к подножью,
Замечаешь, что глыбы бетона и стали
Непонятной какой-то охвачены дрожью.
Одуряющий грохот привычно терзает —
Мостовая чадит, завывает, рокочет.
Он подходит к черте, но об этом не знает.
Ничего он не видит. И видеть не хочет
Эти стены, с которых сползает известка,
Эту вывеску, вечно висящую боком.
Он шагает и думает: «У перекрестка
Повстречаю ребят».

Он шагает в глубоком
Одиночестве, в думы свои углубленный.
Не тревожьте его. Отойдите, поймите,
Он уходит навек в этот вечер зеленый —
Обрываются с жизнью последние нити.

Перевод Я.Гольцмана

МЫ С ТОБОЙ ДВА БЕРЕГА...

ГЕОРГИЮ ХАТИСКАЦИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Существует такая легенда. Когда Бог раздавал земли разным народам, он забыл про грузин и хорватов. И остались они безземельными. Бог решил отдать им самые лакомые кусочки земли, которые он поберег для себя. Вскоре подошло время и для крестьян; не могут же эти земли оставаться безмянными. И названия, которые получили эти земли, оказались красивыми и оригинальными; там, где стали жить грузины – землю назвали Сакартвело, а где хорваты – Хорватия. Таким образом, вопрос где жить для этих народов разрешился успешно. А как они стали жить, и как живут сегодня узнать, наверное, не сложно; всего – то, надо проехать по этим странам и посмотреть на житье-бытье тех, кто там живет.

САКАРТВЕЛО

С Грузией дело обстояло просто; я объехал ее вдоль и поперек и не один раз; реки, леса, виноградники, возвышенности, горы, одно Бакуриани чего стоит. Неплохо знаю ее кухню; хинкали, лобио, чакпули, хаши, шашлыки – эти блюда нельзя не любить. О вине говорить просто неудобно; зачем приезжать – в Грузию, если не пить хванчкару, мукузани или саперави? А грузинское гостеприимство, и это хорошо все знают, – эталон. Что касается искусства, то количество поэтов, писателей, музыкантов, деятелей кино на квадратный метр площади, наверное, одно из самых высоких в мире. И, конечно, спорт. Он всегда был любим в этой стране; своих шахматистов (особенно женщин), футболистов, борцов знает каждый грузин. Знает и любит. Вот такая страна Грузия.

HRVATSKA REPUBLIKA

С Хорватией знакомство началось с небольшого курортного городка Пореч, на берегу Адриатического моря, как говорят, самого чистого моря в мире. Его изумрудно-синий цвет, цвет особый. Психологи уверяют, что это цвет интуитивного мышления, посредством которого человек может проникать в самые глубины сознания, постигать устройство мира, понимать все взаимосвязи в нем. От отдыхающих мы узнали, что здесь в Хорватии всего за месяц-другой можно полностью восстановить растроченные силы, обеспечить запас здоровья и бодрости на год вперед.

И хотя мы были вооружены путеводителем по стране, но решили, что будет все-таки лучше, если отправиться в поездку с гидом. Нам объяснили, как найти туристическую фирму, где работает хороший гид, знающий русский язык. Когда мы подошли к зданию, где располагалась эта фирма, то не поверили своим глазам; на стене дома была вывеска «Перевод с грузинского языка на хорватский». Это была, как говорит народная мудрость – нечаянная радость.

В помещении, за столом сидела симпатичная мо-

Иво Погорелич

лодая женщина.

Знакомимся.

- Марина Лебанидзе, - руководитель турагентства и директор офиса по переводу с грузинского языка на хорватский.

- Туристы из Москвы, - представились мы, - приехали отдыхать. А вот он, – показали на меня, - прочитав где-то, что у хорватов и грузин должно быть много общего в жизни, культуре, быту, хочет в этом убедиться. Борис считает, что если верить легендам, объединяет эти народы сходное божественное решение, как сказали бы сегодня, жилищной проблемы.

- Несколько слов о себе, - Марина словно отвечала на наш вопрос. - Я попала в Хорватию 20 лет назад. Вышла замуж за хорвата, у меня трое детей. Мне здесь очень нравится – природа, климат, кухня, люди. По своему характеру, образу жизни, темпераменту они здорово напоминают грузин. Поэтому я легко адаптировалась. Несколько лет назад мы создали частное туристическое агентство. Среди наших клиентов были туристы, приезжающие из Грузии. Иногда они обращались к нам для разрешения вопросов, требующих юридического сопровождения, как например, свадьбы, покупка недвижимости, какие-то автомобильные дела и т.д. Так что с нашей помощью грузины не чувствовали оторванность от родины.

- А вы знаете, – поддержала меня Марина, - гипотеза Бориса о близости этих двух народов недалеко от истины. По крайней мере, древние мифы и легенды подтверждают связь между грузинами и хорватами. Достаточно обратиться к известному мифу об аргонавтах, о золотом руне. А местом действия этого мифа

были как территория нынешней Грузии, так и земли, расположенные неподалеку отсюда. И я думаю, поддержку этой гипотезе вы найдете, когда познакомитесь с Хорватией.

Мой вам совет, езжайте, наблюдайте и все увидите собственными глазами. Если хотите, я готова быть вашим гидом.

ПЕРВЫЕ ФАКТЫ

Наше знакомство со страной началось с посещения маленького городка Грожняна, с численностью около 70 жителей, напоминающего Сигнахи, что в Кахетии. Это город художников, скульпторов, дизайнеров, музыкантов. На эти 70 жителей приходится десятка два галерей, выставочных залов и столько же, наверное, магазинчиков, заполненных сувенирами из стекла, керамики, металла, дерева, тканей. И все это такого высокого качества, необычайно тонкого вкуса, что уйти отсюда без покупки, никому не удастся. Здесь в городе, как-то по-особому уютно. Он весь пронизан музыкой, которая раздаётся откуда-то с верхних этажей зданий. Причем, это не какая-то громко звучащая попса, а что-то тонкое, лирическое. И, конечно, как высшая форма человечности - особое отношение к «братьям нашим меньшим», - к животным, особенно к кошкам. Зная, что их никто не обидит, не тронет, они в свободное от сна и еды время предаются своим философским размышлениям, чем привлекают к себе гостей и хозяев. А как вам нравится такое поведение: рожать они залезают в дупла деревьев. Такого поведения кошек я нигде прежде не встречал. Наверное, так высоко возносит их любовь человека.

Национальная кухня, как известно – лицо нации, его привычек, вкуса, культуры. И все это мы увидели и прочувствовали, когда заехали в небольшое село, чтобы перекусить. Встретившийся нам местный житель показал, где находится коноба – небольшой, семейный ресторан. Чаще всего они расположены, в сельской местности, в наиболее красивых местах. Коноба пользуется большим успехом не только у туристов, но и у местных жителей. Ведь вкусно, недорого поесть все люди любят. Хозяин такого заведения стремится к тому, чтобы у посетителя надолго осталась память об этом посещении, а начинается борьба за посетителя уже с выбора места расположения ресторана; эстетика – важный компонент конобы. Это может быть специально оборудованная беседка, увитая виноградной лозой, или небольшой уютный зал, на вершине скалы, или небольшое помещение в пещере, или как в нашем случае – на открытой веранде небольшого дома, откуда открывается фантастический вид на необозримые просторы, уходящие за горизонт. Перед входом на территорию конобы нас с улыбкой встретил ее хозяин и проводил на веранду. Здесь стоял большой массивный, деревянный много повидавший стол и скамейки вокруг него. Вся дальнейшая процедура поручалась сыну хозяина Ивану – молодому человеку лет 22-23, студенту технологического института в Загребе, будущему профессиональному сомелье, виноделу и виноградарю. Одним словом, наше застолье было в надежных руках.

На столе появились хлеб, овечий сыр, пршут – особый вид вяленого мяса.

Думается, что из-за своей популярности, пршут заслуживает отдельного разговора. Технология его изго-

товления на первый взгляд сравнительно проста: сначала свиной окорок 2-3 недели маринуется в особых рассолах, затем его коптят над буковыми и дубовыми углями, после этого вялят на солнце в течение 1-2 лет. И, наконец, последний этап этого производства – созревание окорока в специальных хранилищах, в атмосфере особых ароматов. Все эти перечисленные процедуры хорошо известны каждому производителю пршута, это если можно так сказать – азы технологии. А дальше действует уже высшая школа, вся покрытая тайнами; у каждого изготовителя есть свои составы маринадов, свое соотношение между количествами углей, а отсюда и различие в температурах копчения окорока, свои особые места, где пршут вялится. И, наконец, одна из наиболее важных тайн процесса – состав атмосферы для созревания мяса. У каждой семьи есть свои секреты, передаваемые из поколения в поколение, которых никто, никогда ни за какие деньги не продаст. И теперь становится понятным, почему не бывает двух одинаковых пршутов. Все они безумно вкусны, ароматны, аппетитны. И незабываемы. Остается только позавидовать тем, кого ждет это наслаждение, кто еще не отведал это чудо.

И как уместны здесь слова известной песни Владимира Высоцкого, хоть и сказанные совсем по другому случаю: «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Так и с пршутотом – лучший, вкуснейший пршут еще ждет вас. Думается, что пршут – это, вообще, визитная карточка хорватского застолья.

Пока Иван ходил за вином, мы съели почти всю закуску; невозможно было удержаться от ее вида и аромата. Иван принес бутылок пять вина различных марок для дегустации продукции своей фирмы «Бажон» и приступил к обязанностям тамады. Хотя он говорил по-хорватски, но настолько ярко, образно, что не требовался даже перевод Марины; все было и так понятно. Чего нам всем хотелось, так это, чтобы тамада не исчерпал свои тосты и чтобы не закончились изумительные вина, которыми они сопровождались. Но наши опасения были напрасны; из-за стола мы встали, как положено, хмельными не только от вина, но и от слов тамады.

Закончился этот пир экскурсией по конобе. Нам показали, где готовятся эти изумительные вина, и где их хранят, мы увидели пекарню и мангалы, на которых жарят мясо. И уже провожая нас, хозяин сказал, что очень жалеет, что мы заранее не предупредили его о нашем приезде. Тогда он приготовил бы какое-то фантастическое фирменное мясо.

Все это напоминало мне застолье где-нибудь в сельской Кахетии. Радушие хозяев, уважение к гостям, радость от общения с нами. Единственное чего нам не хватало – это песен, без чего не проходит ни один грузинский стол. Наверное, так в жизни все устроено, что всегда чего-то должно не хватать. Но мы ошиблись. Когда отправились дальше в путешествие, в машине зазвучала музыка. И какая? Многоголосие. Но не грузинское уникальное семиголосие – «Швидкаца», а хорватское в четыре голоса, но не менее благозвучное. Думается, что мелодичность услышанных нами хорватских песен не уступает грузинским. И тут закралась простая мысль: а где мы? В Грузии или Хорватии? И, вообще, где кончается Хорватия и начинается Грузия?

К тому, что мы уже успели увидеть и почувствовать, надо, конечно, присовокупить впечатления от при-

роды Хорватии с ее холмами, покрытыми сосновыми лесами, с храмами на вершинах, бесконечными виноградниками, неширокими речками, голубым небом и, конечно, каким-то особым воздухом, насыщенным густым ароматом цветов, трав.

Но не давала покоя мысль, а имеются ли какие-то более глубокие связи между хорватами и грузинами. Хороши, конечно, и вино, и сыр, и тосты и керамика. А есть что-то более серьезное, что связывает два народа, две страны?

МУЗЫКА. МУЗЫКА

Оказалось, что есть.

Марина Лебанидзе повела себя словно тонкий драматический актер, который самое важное приберегает к концу последнего акта:

- Вы знаете, что в Хорватии есть выдающийся пианист, лауреат многих конкурсов и премий Иво Погорелич.

Так вот его педагог - грузинка. Ее фамилия Амбокадзе. Ее, как и меня зовут Марина. Если хотите,

сти, - если бы вы знали, как я рада этому звонку. Мне так приятно услышать русскую речь. Вы когда уезжаете в Москву? Еще не скоро? Я завтра жду вас в гости, к 3 часам. Все что знаю, я постараюсь вам рассказать.

Выйдя из автобуса, и не успев сделать и одного шага, я услышал вопрос:

- Вы Шеварднадзе? (Шеварднадзе – это по-русски Соколов)

- Да.

- А я - Георгий, муж Марины Амбокадзе. Поехали.

Так я оказался в Хорватии за грузинским столом.

ИВО ПОГОРЕЛИЧ

Наша встреча с Мариной началась, естественно, с воспоминаний о Грузии, и, главным образом, о Тбилиси; давно ли был там, изменился ли город?

- Начнем с того, что я родился в Тбилиси. Мама по настоянию своей сестры Лены Гедевановой специально приехала сюда, чтобы меня родить. За что я остался благодарным маме всю жизнь. Я на себе испытал, что такое любовь к Родине, что такое тяга к месту, где ты появился на этот свет. В прежние времена не было года, чтобы я не приезжал в Тбилиси; вначале это были, главным образом, визиты к многочисленным родственникам. Затем создались творческие связи, и визиты в Тбилиси заметно участились. Мои отъезды и приезды чередовались столь часто, что родственники спрашивали меня: я уже приехал или еще не уехал?

Но, кажется, специально обо мне сказал когда-то Евгений Евтушенко: «Кто уезжал, тот знает непреложно. / Уехать из Тбилиси невозможно./ Тбилиси из тебя не уезжает, /Когда тебя в дорогу провожает».

А затем произошли перестроечные дела и мои приезды в город прервались.

Двадцать лет я не был на родине, и приехал сюда после столь долгого отсутствия год назад. Пробыл всего три дня, и, понятно, что за столь короткий срок многое не увидишь. Что-то стало заметно лучше; один проспект Руставели чего стоит. Но, с другой стороны, похорошев, проспект утерял свой колорит, что-то типично грузинское, национальное. Меня сильно, например, поразило отсутствие книжных магазинов; ведь отсюда я всегда увозил книги, которых в Москве нельзя было найти. К сожалению, многих из своих родственников я уже не застал в живых. Сейчас клан наследников Лены Гедевановой возглавляет ее внук Дима Гедеванишвили. Он – старейшина. Мой визит в Тбилиси всегда начинается с посещения его дома.

- Боря, а вы знаете, что Дима живет напротив моего дома, что мы знакомы с ним с самого детства. А его дедушка, тоже Дима, и первый муж Лены Гедевановой, вторым браком был женат на сестре моего отца. Так, что вы, дорогой Боря, мой родственник.

Ничего себе развитие событий! Я приезжаю в Хорватию в город Пореч. Отсюда отправляюсь за 80 км к незнакомой грузинской женщине, пианистке, педагогу, чтобы узнать у нее про хорватского пианиста Иво Погорелича. И выясняется, что она моя родственница. По статистике – в Риеке грузин, кроме этой семьи, больше нет. Выходит единственный представитель Грузии – мой родственник.

Это что - судьба? Случай? Это, какое надо иметь воображение, чтобы представить такую ситуацию: приехать один - единственный раз из Москвы за 5 тысяч км, в незнакомый город, встретить там родственника,

Борис Соколов (крайний слева) в Хорватии

- предложила мне Марина Лебанидзе, - мы можем сейчас ей позвонить и узнать все, что вас интересует. Она живет в городе Риека, это километров 80 от Пореча.

Марина, которая из Пореча, объяснила Марине из Риеки, что я журналист из Москвы и что мне интересно, какие взаимоотношения связывают грузин и хорватов, какие точки соприкосновения существуют между этими народами, и передала мне трубку. Я объяснил, что хотел бы узнать, кто такой Иво Погорелич, подробности его жизни и творчества, его, скажем так, место в мировой музыкальной культуре.

- А вы, вообще, музыкант? - спрашивает Марина Амбокадзе.

- Нет,- отвечаю я,- но в роду у меня есть музыканты. Моя тетя.

- А как ее фамилия?

- Гедеванова.

Вот тут случилось то, что можно сравнить с какой-то катастрофой, взрывом.

- Лена?!

Я уверен, что услышал бы этот возглас даже без телефона.

- Боря, - мой разговор с Мариной Амбокадзе продолжался теперь уже в совершенно другой тонально-

которого никогда до этого не только видел, но даже не догадывался о его существовании? Но это реально случилось! В жизни все бывает. Но может этим она и хороша!

А затем мы перешли к музыке, и через пару часов я уже знал все об этом гениальном пианисте.

Еще в возрасте 6-7 лет специалистами была замечена его феноменальная одаренность. Мальчик отправляется в Москву и под руководством лучших педагогов формируется будущее мировой звезды; сначала в Центральной музыкальной школе, а затем в консерватории. Здесь с ним работали многие выдающиеся педагоги, и в том числе Алиса Кежерадзе. Наверное, симптоматично, что обоюдная любовь к музыке Иво и Алисы переросла во взаимную любовь друг к другу – они становятся супругами. В скором времени Иво выдвигается в ряды лучших молодых пианистов мира. Его игру отличает виртуозный стиль исполнения, широкая палитра звучания, оригинальное чувство темпа. Иво Погорелич становится победителем многих международных конкурсов, а сегодня его гастролы по всему миру расписаны на много лет вперед. В 1996 году в феврале Алисы не стало, она умирает в Лондоне, где последние годы проживала эта семья. Выполняя волю жены, Иво хоронит ее в Тбилиси на Семеновском кладбище рядом с могилой ее родителей.

Спустя 40 дней здесь же у могилы Алисы происходит знаменательная встреча Марины Амбокадзе и Иво Погорелича.

Интересны воспоминания Марины об этой встрече, значительно изменившей ее жизнь:

- Вы знаете, кто я? - обращается Марина к Иво.

- Простите, не знаю, - отвечает Иво.

- Я Марина Амбокадзе. Я была ближайшей подругой вашей покойной супруги по центральной музыкальной школе и консерватории в Тбилиси. До сих пор вспоминаю нашего педагога – Нину Георгиевну Плещееву – человека широкой души и выдающегося таланта. Она представляла замечательную пианистическую школу Листа-Зилоти. Все, к чему прикасался этот замечательный музыкант-педагог, приобретало какую-то особую необычайность и запоминалось на всю жизнь. Отсюда все наши знания и успехи. Я думаю, - продолжает Марина, - если бы не было Нины Георгиевны, то не было бы ни меня, ни Алисы, ни Иво, как музыкантов.

Но главные события стали развиваться дальше. Иво предложил Марине интересную работу в Хорватии. Во-первых, подготовку новых концертных программ самого маэстро, а, во-вторых, что не менее интересно, работу в музыкальной Академии, открытой по инициативе Иво для поиска и воспитания молодых талантов. Марина посчитала оба предложения заслуживающими внимания. Ведь работать с талантливой молодежью всегда интересно.

Несколько смутило предложение Иво помогать ему в подготовке концертных программ. Марина не удержалась от вопроса: «Для чего вам, гениальному пианисту, нужен педагог?» Ответ Иво снял все сомнения и колебания Марины: «Вы с детства пили воду из чистейшего родника, а я был лишен этого». В этом ответе – дань уважения, преклонения перед русско-грузинской музыкальной культурой, благодарности той школе, которая сделала из него великого пианиста, тем педагогам, которые приоткрывали перед ним тайны исполнительского мастерства. Конечно, в первую очередь, незабвенной Алисе, а теперь, и Марине. Ведь

они обе представляют этот неиссякаемый родник. Думается, нельзя не вспомнить Елену Гедеванову. Как «музыкальную бабушку» Ивы.

Педагогический и организационный талант Елены Константиновны Гедевановой особенно расцвел после ее переезда в Москву, где она возглавила музыкальное училище им. М.М.Ипполитова - Иванова. В короткое время Елена Константиновна сумела создать очень сильный педагогический коллектив, воспитавший десятки известных исполнителей. В 1961 году в училище было открыто первое в стране отделение сольного народного пения, которое возглавила Елена Константиновна. Через некоторое время по всей стране начинают звучать голоса ее учеников Л.Зыкиной, Л.Рюминой, Е.Шавриной, Т.Петровой и других. При этом, для большинства своих учеников Елена Константиновна была больше, чем учитель. Наверное не случайно, Людмила Георгиевна Зыкина всегда звала ее мамой Леной. Она действительно была для учеников мамой. Вот такой была Елена Константиновна Гедеванова; кому - тетя; кому - бабушка, а кому - мама.

НОВАЯ ЖИЗНЬ – НОВЫЕ ПЕСНИ

Таким образом, Марина оказалась в Хорватии в городе Риека. Я спросил у Марины, как ей живется вдали от родины. Она ответила, что скучает по Тбилиси, по родным, по друзьям, но за 10 лет, что здесь живет, полюбила эту прекрасную страну, которая природными условиями, морем, климатом здорово напоминает родную Грузию. А хорваты схожи с грузинами широтой души, гостеприимством, жизнерадостностью. В какой-то степени все это компенсирует удаленность от родины.

Она квартиры Марины смотрят на редкий по красоте Кварнерский залив. Именно здесь, как гласят легенды, был убит сын колхидского царя Апсиртис, брат Медеи. Его тело было разрублено на куски и выброшено в море. И на том месте возникли острова архипелага, соединяющие острова Црес и Лошинь, природа которых так напоминает Грузию. На западном берегу залива имеется курорт Медвея, названный в честь дочери колхидского царя. Может, это сыграло определенную роль для Иво, когда он выбирал квартиру для Марины.

Говорят, что беда не приходит одна. А счастье открытия, счастье узнавания? Наверное, также.

Когда мы с Георгием направлялись к автобусу на Пореч, он обратил мое внимание на расклеенные по городу афиши, которые приглашали жителей города на международный театральный фестиваль. И там, среди более чем двух десятков спектаклей был спектакль «Жизнь идиота» по сценарию Давида Доиашвили, созданного по произведению Акатугавы Рюноске. Спектакль занял первое место в конкурсе. В какой-то мере эта победа знаменательна. Как говорится, победила дружба; писатель - японец, автор сценария – грузин, постановка – хорватская. А победа – общая. Наверное, японец, выступал как цемент, скрепивший талант грузина и хорвата. А с января этого года «Жизнь идиота» включена в репертуар городского театра города Риека.

Когда рукопись этой статьи прочитал мой юный тбилисский родственник Гоглик, наделенный среди прочих положительных качеств чувством юмора, он сказал:

-Боря, когда родственник находится далеко, это же не причина, что его не надо навещать. Если Марина Амбокадзе – твоя родственница, то она и моя. Тогда давай поедем в Хорватию, чтобы ее проведать. Она же не должна чувствовать свою оторванность от родины? Как ты думаешь?

- Я думаю, Гоглик, что ты прав.

Борис СОКОЛОВ

АВТОГРАФ КОРОЛЯ ВАЛЬСОВ

В АРХИВЕ ГРУЗИНСКОГО МУЗЕЯ ТЕАТРА, МУЗЫКИ, КИНО И ХОРЕОГРАФИИ ОБНАРУЖЕН УНИКАЛЬНЫЙ РУКОПИСНЫЙ ДОКУМЕНТ – АВТОГРАФ ЗНАМЕНИТОГО АВСТРИЙСКОГО КОМПОЗИТОРА ИОГАННА ШТРАУСА-СЫНА.

Это музыкальная записка Штрауса, представляющая собой вокальный отрывок из комической оперы «Рыцарь Пасман», сочиненной композитором в 1892 году, с его собственноручной подписью.

Обнаружила рукопись Мзия Мерквиладзе – хранительница музыкального фонда музея.

«Штраус вошел в историю музыки как создатель классического венского вальса - говорит она. - Крупнейший мастер вальса и оперетты, написавший около 500 произведений танцевальной музыки, он поднял ее на высокий художественный уровень. Летом 1854 года к Штраусу пришли с деловым предложением представители русской железнодорожной компании, владевшей пригородной линией, связывавшей С.-Петербург с Царским Селом и Павловском. Маэстро получил приглашение выступать вместе со своим оркестром в городе Павловске, под Петербургом».

По контракту Штраусу предстояло в течение летнего сезона дирижировать своим оркестром в павловском павильоне «Воксал».

В течение десяти сезонов композитор гастролировал в роскошном Павловском вокзале и в парке, где располагались дворцы русского царя и великого князя Константина.

Публика сразу же была покорена его вальсами и польками. Композитор был восторженно принят русской публикой и стал украшением летних сезонов. На его концертах бывали члены императорской семьи.

«Начиная с 1854 года, Иоганн Штраус-сын неоднократно приезжал в Россию на гастроли. И в очередную летнюю гастроль в городе Павловске, после концерта к нему подошел один из почитателей его таланта и попросил автограф. Штраус экспромтом написал несколько нот и поставил свою подпись».

По мнению хранительницы музея, документ мог принадлежать российскому коллекционеру и скрипачу Артуру Арслеру. Вполне возможно, считает М.Мерквиладзе, что именно Артур Арслер – поклонник Штрауса – подошел после концерта в Павловске к маэстро и попросил автограф.

Дальнейшая судьба автографа такова. Приехавший

Иоганн Штраус-сын

из Грузии учиться композиторскому искусству, Сандро Мирианшвили был студентом Ленинградской консерватории, когда началась Великая Отечественная война. Будущий композитор записался в ряды добровольцев и защищал блокадный Ленинград.

По словам дочери Кетеван, Сандро Мирианшвили в дни блокады выменял записку Штрауса на месячный паек хлеба, и после окончания войны привез в Тбилиси.

До конца жизни С.Мирианшвили автограф Штрауса хранился в семье. После смерти композитора его личный архив перешел в собственность государства и в 1989 году был передан Грузинскому музею театра, музыки, кино и хореографии.

«На долгое время об этом архиве забыли, – говорит директор музея Георгий Каландия. – А поскольку на автографе отсутствовала дата, саму записку считали автографом Рихарда Штрауса – немецкого композитора эпохи позднего романтизма, который прославился симфоническими поэмами и операми.

Однако хранительница Мзия Мерквиладзе, обнаружившая автограф, привлекла к нему внимание специалистов музея. Мы отправили записку с автографом на экспертизу в Венский институт имени Штрауса.

На наш запрос директор института Эдуард Штраус (кстати, приходящийся родственником королю вальсов) ответил: это однозначно оригинал записки Иоганна Штрауса и документ принадлежит его перу. И он же установил дату – примерно 1892-1893-й годы. Венские специалисты также уточнили, что запись эта – выполненная самим Штраусом рукопись нотной цитаты из его комической оперы «Рыцарь Пасман», под ней подпись композитора. Автограф исполнен на личной канцелярской бумаге композитора».

Этот автограф был обнаружен в поврежденном состоянии, бумага была разорвана на две части. Реставраторы его склеили.

Самое сложное, по словам директора музея, было нейтрализовать чернильную ржавчину, покрывавшую

Павловский павильон «Воксал»

документ: «По сути, это трудная и дорогостоящая реставрационная операция. Но мы справились с ней благодаря поддержке нашего спонсора. Специалисты музея смогли вернуть рукописи первоначальный вид. Автограф участвовал в экспозиции наших отреставрированных экспонатов».

По заявлению директора музея, «четырёхстрочное послание с подписью Штрауса – подлинная жемчужина нашего фонда. Это уникальный документ, имеющий огромное значение не только для Грузии, но и для мировой культуры».

Несмотря на то, что И.Штраус не бывал в Грузии, он некоторым образом связан с ней. В частности, через семейство князя Дадияни.

Об этом мне стало известно от Виктора Дадияни, потомка рода Дадияни, живущего в Австралии, с которым я состою в переписке.

Виктор Дадияни, председатель Союза регбистов Австралии, был консулом Грузии в Австралии и Новой Зеландии. Его всегда отличали любовь к исторической родине, заинтересованность в ее судьбе. Он инициатор и участник многих благотворительных акций в помощь соотечественникам. В сентябре прошлого года в Министерстве культуры и охраны памятников Грузии состоялась презентация портрета Нино Дадияни – дочери последнего грузинского царя Георгия XII. Портрет мингрельской правительницы был выставлен на Интернет-аукционе и приобретен Виктором Дадияни. Семья Дадияни передала портрет в дар Министерству культуры и охраны памятников Грузии, который был отправлен в дворец-музей князей Дадияни в Зугдиди.

Но это так, к слову.

Вот что Виктор рассказал мне в связи со Штраусом.

Николай (Нико) Дадияни – сын владетельного князя Мегрелии Давида Дадияни и Екатерины Чавчавадзе – был последним владетельным князем Мегрелии. Воспитывался он при русском дворе и согласно царскому указу именовался Светлейшим князем Мингрельским. Нико Дадияни был частым гостем в Зимнем дворце в

Санкт-Петербурге.

Летом 1868 года Иоганн Штраус, который руководил летними концертными сезонами в Павловске, исполняя произведения западноевропейских, русских композиторов и собственную музыку, познакомился с Екатериной Чавчавадзе и ее сыном Нико Дадияни.

По словам очевидцев, это знакомство произвело на композитора большое впечатление. «Штраус очень уважал их», – рассказывает Виктор Дадияни. Он посвятил несколько произведений светлейшему. Одно из них, которое Штраус написал в 1868 году в честь князя Нико Дадияни – это «Нико-полька» (Niko-Polka). Ее неоднократно исполняли в Зимнем дворце.

«Штраус написал Niko Polka для Нико, а для Екатерины он написал романс», - сообщил мне Виктор Дадияни.

Это грустный, но невероятно нежный романс №1 ре минор для виолончели с оркестром (opus 255). Впервые он был исполнен Штраусом на концерте в том же Вокзальном павильоне в Павловске во время его летних гастролей. У романса имеется подзаголовок «Une Pensee», что в переводе с французского означает «мысли».

Что же касается Niko-Polka, то Питер Устинов – знаменитый британский актер и кинорежиссер – рассказывал о ней в своем телевизионном фильме. Он отметил, что в польке использована «русская народная мелодия». В начале польки слышится мелодия «Катюши».

Однако советский композитор Матвей Блантер сочинил знаменитую песню уже в следующем веке. Вполне возможно предположить, что Штраус и Блантер опирались на одну и ту же русскую народную песню, или же Блантер вдохновлялся музыкой Штрауса.

В ближайшее время Грузинский музей театра, музыки, кино и хореографии предполагает организовать экспозицию, посвященную грузинской музыке. Среди экспонатов выставки бесценный автограф Иоганна Штрауса займет достойное место.

Клара БАРАТАШВИЛИ

В мае 2011 года откроется уникальный по красоте и геологическому возрасту комплекс карстовой пещеры Прометей в г. Цхалтубо. Неподалеку от пещеры расположена гора Хвамли, к которой, согласно легенде, был прикован Прометей. Над оформлением пещеры работали специалисты из Германии, а восстановительные работы были проведены при поддержке Благотворительного фонда КАРТУ.

Фото Александр Сватиков

«ЕЩЕ НЕ РАЗ ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ...»

Как странно, как пусто – вокруг нас мир, в котором больше не живет Людмила Гурченко.

Почему страна полюбила ее давно и навсегда? Почему тот, кто ее не любил, не мог остаться к ней равнодушным? Почему ее знали все и запомнят надолго?

Конечно, это масштаб. Это дар и обаяние. Это фантастическая непохожесть ни на кого. Какая там «русская Лолита Торрес» или «наша Элизабет Тейлор»... Людмила Гурченко – и все сказано.

Ее, как уже давно озвучено, «никто не любит, кроме народа». А народ удостаивает своей любви не только за талант, не только за правду. Он выбирает в любимцы тех, кто всего добился сам – своим талантом, своей правдой, своими кровью и потом... Тех, кто, говоря словами Михаила Жванецкого, «сам прорвался через этот асфальт». И потому известие о ее смерти – это словно известие о начале войны, настолько оно всколыхнуло весь бывший Советский Союз... Ушла Гурченко, и, наверное, мы в последний раз убедились, что пятнадцать союзных республик когда-то объединяла не только воля коммунистической партии, но и общая любовь к великим артистам. А сегодня объединила боль утраты.

Прощаешься с Людмилой Гурченко и будто прощаешься с самим собой, ведь она всегда была рядом, перед твоими глазами, на слуху – всю твою жизнь... И так же, как невозможно прожить жизнь без себя самого, так не проживешь и без Гурченко, без ее голоса, смеха, походки – таких особенных, никому не подобных...

Ей подражали, ее пародировали, а это значит, что у нее был свой стиль. То, что у других выглядело вульгарностью и пошлым эпатажем, у Гурченко становилось фейерверком и праздником. У нее был не гонор, а характер, не эгоцентризм, а индивидуальность. Поэтому никто и не сможет ни заменить ее, ни занять ее место, ни пройти по тому пути, который она прошла сама и который теперь ушел в бесконечность.

Она была абсолютной артисткой. Настолько, что, кажется, это не она когда-то решила ею стать артисткой, а профессию придумали специально для Гурченко.

Она жила в сплошном бенефисе. Не получалось у нее быть незаметной. Сыгранный эпизод становился главным в картине. Сказанные или написанные слова становились счастливо и несчастливо определяющими в жизни, как это часто случается с большими и глубокими людьми... Слова отца, которые она часто повторяла – «усех положить на лупаты, это як закон» – стали заветом и пророчески сбылись. Например, она говорила, что больше всего боится сломать ноги. И сломала-таки. На съемках «Мамы» тяжелейший перелом надорвал здоровье на всю жизнь. Второй перелом оказался фатальным.

Но самым трагическим предсказанием стал ее последний клип на песню Земфиры «Хочешь». «Пожалуйста, не умирай, Или мне придется тоже. Ты, конечно, сразу в рай, А я не думаю, что тоже... Пожалуйста, только живи...» Саму песню Гурченко спела довольно давно, а клип был снят в феврале этого года. Сейчас смотреть эти кадры жутко – вокруг поющей Гурченко движутся фигуры Олега Борисова, Олега Янковского, Андрея Миронова,

Людмила Гурченко

Александра Абдулова, Евгения Евстигнеева, которые в конце рассыпаются, и фигурку певицы тоже накрывает темнота... «Опасайся предсказаний, смерти лучше не зови», – справедливо предупреждал Арсений Тарковский.

Для нее не существовало ничего, кроме профессии. Если человек и может попасть в рай еще при жизни, то таким человеком была Гурченко, а кино – ее раем. «Кино – это моя жизнь, – говорила она. – Когда я вхожу в маленький задымленный павильон, где ничего не видно на расстоянии вытянутой руки, где пахнет смесью дыма, опилок и клея, понимаю: вот он – рай!» Другие актрисы, как вспоминал Никита Михалков, могли отказаться от роли, потому что им не с кем было оставить ребенка. Гурченко могла оставить ребенка с кем и где угодно, лишь

Людмила Гурченко

бы сыграть. Она оказалась из тех актрис, для которых не стоит выбор между семьей и профессией – потому что для нее важна только профессия. И все.

Конечно, она была сложной матерью. И откровенно говорила о том, что актриса не должна иметь детей. Но ведь и у самой Гурченко была мама с очень непростым характером...

Вообще родители передали ей крутой замес генов. Отец был из батраков, а мать – из дворян. Вот и сочетались в ней тонкий изыск и броский вызов, джазовая импровизация и городской романс, образы властительницы сердец и женщины с разбитым сердцем...

После смерти отца она осталась одна. Конечно, были мама, дочь, внуки... И все же. Она говорила: «Когда умер мой папа, мне нужно было хотя бы кого-то называть папой. Я и мужа Сергея иногда так зову... Плохо мне без этого слова. Я не знаю, где у нас находится душа, но когда становится невыносимо, я спешу к папе – на кладбище, чтобы выговориться. Потому что меня никто никогда так не любил. Я испорчена им. Увы, ни один мужчина не дал мне такую степень обожания, как он». Марк Гаврилович не просто обожал свою дочь. Он в нее верил – самоабвенно, истово, бескорыстно.

А после гибели внука – второго любимого Марка – для Гурченко мир опустел бесповоротно...

Она продолжала жить, как и жила – с джазовой интонацией в каждом слове, с гармонией в каждом жесте, с искренностью в душе, с болью в сердце.

Людмила Гурченко прошла путь от комедии к трагедии. Это заметно по песням, которые она выбирала, по стихотворениям, к которым она писала музыку. Что слышно в ее последних песнях? Одиночество. Близость конца. Бесстрашие. Несгибаемая хрупкость. Уважение к себе. Гордое ощущение собственной неповторимости, как это бывает у знающих себе цену людей, не обременяющих себя нарочитой скромностью, ненужным общением, лишними знакомствами... А еще слышна нота из прошлого – тяга к детству... Говорят, так происходит перед недалеким уходом, когда прошлое начинает перевешивать будущее. Она блестяще спела Гумилева: «Еще не раз Вы вспомните меня /И весь мой мир, волнующий и странный, /Нелепый мир из песен и огня, /Но меж других единый необманный»...

Слабым утешением в горькие минуты нам может служить то, что Людмила Марковна любила наш город. Тбилиси она называла в числе городов, где ей хорошо – наряду с Ленинградом и Римом. Ее первый брак со сценаристом Борисом Андроникашвили (сыном писателя Бориса Пильняка и актрисы Киры Андроникашвили)

распался. Но это не повлияло на ее отношение к Грузии. А благодарность к грузинской бабушке дочки Марии Гурченко сохранила навсегда, о чем и написала в книге «Аплодисменты»: «Была у Маши бабушка – мама Машинного отца. Красоты ума и таланта и женственности непревзойденной. Была она из аристократического грузинского рода. В 1959 году, когда я приехала в Тбилиси, уже заметно округлившись, пошли мы с ней в грузинские серные бани. По незнанию того, что серная вода такая мягкая и мылкая, я сильно шлепнулась на спину. Ах, как она испугалась! Собрала всех терщиц (есть такая в тбилисских банях профессия – терщицы) и все по-грузински с ними, по-грузински, ох да ах, и все «генацвале, генацвалики»... Я улыбалась – все обошлось. А потом мы ходили на балет «Отелло» с неподражаемым Вахтангом Чабукиани. И в антракте ей все кланялись в почтительном поклоне. Она, казалось, не замечала моей провинциальности, невыдержанности и относилась ко мне с нежностью за открытость и доверчивость. Ах, как они со своей приятельницей тактично промолчали, когда я подряд два раза сварила им один и тот же кофе. А что, думаю, один черный, другой будет, как чай. Как в Харькове... Была грузинская бабушка и у нас в Харькове – приезжала посмотреть внуку. Стол ломился от еды. Мама готовила с тетей Соней два дня. Была даже рыба фиш – а вдруг она «рыбу большой ценить». Своим ФЭДом папа нащелкал ворох снимков...

- Лель, якая же высококультурная, приятная женщина! Только высоковата, а?

- Ну, Марк, это же аристократы все же.

- Ну понятно, не моего поля ягода – а что ж вы, симановщина, что ж вы усе разъелись, где ж ваша культура? Смотри, як человек ест – прямо загляденье – аккуратничко, помаланечку. Лель, а ты знаешь, она совсем не костистая. Я так за плечо ее пощупав – уполне упитанная.

- Марк, котик, ну сдержись ты – веди себя прилично, а?

- Лель, а што я такого зделав? Ты же видишь, она довольная, уся зарозовелася, вльбається. Што ж она, не живой человек?

Больше грузинскую бабушку мы никогда не видели. Она умерла, когда Машеньке еще и года не было. Только-только получила новую квартиру, а жить в ней так и не пришлось. Ее хоронил весь Тбилиси. «Якая чистая ангельская душа – унученьку перед смертью приехала повидать. А ты, Леля, говоришь, что бога нет! Царство ей небесное!»... С тех пор дедушка, если на экранах шел грузинский фильм, обязательно водил на него Машу. А если по телевизору танцевали грузинские ансамбли, он обязательно ей объяснял: «Смотри, Машуня, ето твои родичи танцуют – грузинцы. Ты же в нас мешанец, наповину грузинка»...

Увидеть Людмилу Гурченко вживую автору этих строк довелось лишь один раз – в числе счастливчиков-зрителей, попавших на концерт с участием артистов кино, приехавших летом 1987 года в Тбилиси на Всесоюзный кинофестиваль. Ведущим концерта был несравненный Зиновий Гердт. «Я думаю, как мне объявить следующего исполнителя, - сказал он перед выступлением Гурченко. - А, да что там думать... Люся!» И – овация. Она – из очень редкой категории артистов, обладающих магнетическим воздействием на публику. Огромный Большой концертный зал Тбилисской филармонии она подчинила себе сразу. Зрители сидели, как замороженные. Гурченко была прекрасна – ее номер на десять минут, блестящий сплав музыки, танца и слов, за гипнотизировал всех, словно волшебное заклинание. Честное слово, она могла делать с нами все, что ей было угодно. Мы принадлежали ей абсолютно, мы восторгались всем, в эти мгновения мы простили бы ей все...

Теперь нам прощать ей нечего.

Остается – любить и помнить.

Нина ШАДУРИ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

სოფალი

Shikhvi

Dry White Wine

2006

PRODUCT OF GEORGIA

Alc 11.5% Vol

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM